

Лариса КОРОЛЁВА

Женский роман с мужскими комментариями

ОБЪЯСНЕНИЕ В УБИЙСТВЕ

Лариса Королева

**Объяснение в убийстве. Женский
роман с мужскими комментариями**

«Издательские решения»

Королева Л.

Объяснение в убийстве. Женский роман с мужскими комментариями / Л. Королева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934589-9

У журналистки Дарьи Леденёвой и юриста Андрея Чернова служебный роман. Ночью с пожарной лестницы дома, в котором они встречаются, сброшен труп молодой женщины. Подбирая материал для очередной статьи, Дарья берёт в судебном архиве уголовное дело о жестоком убийстве девушки в роще. Обвиняемый получил девять лет колонии, но журналистка решает, что он невиновен. Обнаружив ещё несколько аналогичных дел, по которым осуждены разные люди, она приходит к выводу, что в городе орудует сексуальный маньяк.

ISBN 978-5-44-934589-9

© Королева Л.
© Издательские решения

Содержание

ЧТО ЗА КАРТА – СПЛОШНЫЕ КРЕСТЫ!	6
ПРОЦЕНТ БРАКА	12
РЫЦАРИ ПЛАЩА	18
НЕ ТУ СТРАНУ НАЗВАЛИ ГОНДУРАСОМ	22
В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА	26
ДЕЛО №18 666	31
МАНЬЯКИ СРЕДИ НАС	35
ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО АВАНТЮРИСТА	40
ПОЭТ В ПОГОНАХ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Объяснение в убийстве Женский роман с мужскими комментариями

Лариса Королева

*Все персонажи романа вымышлены, любые совпадения событий
случайны*

Дизайнер обложки Марина Коломийцева

© Лариса Королева, 2018

© Марина Коломийцева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4589-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧТО ЗА КАРТА – СПЛОШНЫЕ КРЕСТЫ!

– А я хожу от дома к дому, от одного хожу к другому, – напевала я нехитрую песенку, возвращаясь с рынка во второй раз за день. С утра пораньше я уже закупила продукты и отнесла их домой. А потом принялась покупать почти то же самое по второму кругу, потому как жила на два дома, и в обоих приходилось готовить и наводить порядок.

Правда, во втором доме, вернее, квартире, мне, за что бы я ни взялась, помогал любимый мужчина, тогда как муж считал, что мыть посуду или шинковать овощи – это не мужское дело. Может, он имел в виду, что мужское дело – это гвозди заколачивать или деньги зарабатывать, но и этого не делал тоже. Порой казалось, что в своей компьютерной фирме он работает из чистой благотворительности. Но я уже привыкла к тому, что главный добытчик в доме – это я. Зато материальная независимость давала мне больше свободы и право не отчитываться в своих действиях.

Настроение у меня было радужным, я не шла, а почти летела. Сегодня был наш с Черновым день. Мы строили график работы таким образом, чтобы, хотя бы раз в неделю устраивать себе полный выходной.

Под пожарной лестницей моего дома на только что пробившейся из-под снега траве лежала мёртвая девушка. Поскольку у меня нет привычки глазеть по сторонам, я увидела труп и стоявших рядом с ним двух оперов, внезапно, подойдя к ним почти вплотную.

(Удивительно, что она вообще всё это заметила!)

То, что девушка мертва, было понятно сразу. «Выбросили с седьмого этажа», – почему-то сразу решила я. Я не знала этой девушки, но в настоящее время её не узнала бы и родная мать, настолько разбито было лицо, обращённое к серому небу, которое давно не радовало своим присутствием зимнее солнце. Поношенные белые сапоги, расстегнутые и чуть приспущенные светлые джинсы, распахнутая бежевая куртка, на шее – ярко выраженная багрово-сизая полоса, – всё это я успела разглядеть, не останавливаясь и не замедляя шага, в какие-то несколько мгновений. «Хотели изнасиловать, били, душили, сбросили», – попыталась я определить ход событий последних минут жизни этой несчастной.

У подъезда стояла машина Чернова. Значит, он уже здесь. Я вошла в подъезд, нажала на кнопку вызова лифта и, поняв безуспешность своей затеи, пошла на седьмой этаж пешком.

Вчера, когда я около восьми вечера возвращалась отсюда домой, лифт тоже не работал. Я спускалась вниз по ступеням, и было немного страшновато идти по неосвещённым проёмам лестницы. Почему-то ещё подумалось, что кто-нибудь однажды по пьянке или неосторожности обязательно выпадет в одно из этих громадных, в человеческий рост, с побитыми стёклами окон, располагающихся между этажами. А выпал человек с пожарной лестницы. У меня вчера родились даже строки, что-то вроде «Я боюсь высоты и огня, но зато я в воде не тону...», но я сразу почувствовала, что из этого стихов не получится, и не стала продолжать.

(Гораздо позже стихи все-таки получились.)

Я позвонила в дверь, которую Чернов открыл сразу, словно стоял за ней.

– Ты уже знаешь? – спросила я вместо приветствия.

– Да, малыш, проходи.

И пока я переодевалась в халатик, Андрей рассказал, что труп сразу не увидел, так как подъехал с другой стороны дома, но к нам уже приходили опера, которые опрашивали жильцов дома, не слышали ли те ночью чего подозрительного.

(Я не стал рассказывать Дарье, какие страшные пять минут пережил. Опер объявил с порога, что с нашего этажа сброшена молодая женщина, и предложил мне выйти на пожарную лестницу – взглянуть, не знаю ли я её. Меня словно по сердцу резануло: а вдруг это мой малыш? Мало ли что могло случиться. Если это оказалось бы именно так, я, наверное, сам

кинулся бы следом... На негнущихся ногах шагнул на площадку пожарной лестницы и глянул вниз. Многого с этой высоты не разглядеть, но было очевидно, что мёртвая девушка мне незнакома. И сразу отлегло...)

– Ты представляешь, малыш, – смеялся Чернов, – звонок в дверь. Открываю. В халате и с Уголовным кодексом в руках. Опер спрашивает, живу ли я здесь. Отвечаю, что нет, и в этот момент он замечает подозрительное кроваво-красное пятно на выключателе. Сразу вопрос: «Что это?» Я, конечно, сказал, что это томатный сок, но опер принялся тереть пятно пальцем, и, казалось, хотел его лизнуть, но не решился.

– И как это на тебя сразу не надели наручники? А потом провели бы обыск и нашли в шкафу пневматический автомат УЗИ. Чем не кандидат за решётку, – заметила я, отмывая влажной губкой пятно от сока с выключателя.

– Ну да, а потом бы ещё соседи показали, что из этой квартиры частенько раздаются женские крики...

– Бесстыжий, – я запустила в эту наглую физиономию губкой, но, слишком лёгкая, она не долетела, и в этот момент в дверь снова позвонили. Пришёл майор лет сорока пяти, спокойный и серьёзный. Он расположился на кухне с тем, чтобы заполнить с нашей помощью «Протокол опроса свидетеля». Мы добросовестно отвечали на вопросы.

– Фамилия, имя, отчество... Место работы и занимаемая должность.

– Чернов Андрей Дмитриевич, депутат городской Думы Краснодара, директор юридической конторы «Наше дело».

Я обратила внимание на то, что Андрей не назвал своей второй должности (или третьей?) и сказала:

– Леденёва Дарья Дмитриевна, заместитель редактора криминального еженедельника «Судный день».

То, что Чернов – редактор этого самого еженедельника и, соответственно, мой шеф, осталось за кадром.

(Зачем какому-то менту знать, что я сплю с собственным замом?)

– На чьё имя квартира? – продолжал майор свой опрос.

– На моё, – вздохнула я. – Но живу не здесь, у меня есть ещё квартира.

– А вы – муж? – спросил опер.

– Не совсем, – ответил Чернов, и опер внимательно оглядел нас обоих...

– Значит, так. «Двадцатого февраля двухтысячного года в восемь тридцать утра я пришёл в гости к своей знакомой Леденёвой Д. Д. В этом доме не ночевал и ничего о произошедшем убийстве сообщить не могу», – подытожил майор, делая особенное ударение на слове «знакомой».

(Бедолагу-майора таким положением дел не удивить. Мало ли он знает пар, встречающихся в дневное время на подпольных квартирах и ночующих, как добропорядочные граждане, в супружеских спальнях, покинуть которые окончательно не позволяет чувство родительского долга перед собственными детьми. Майор понимал, что ему тут нечего ловить, и заполнял протокол по обязанности, для проформы: у мужчины и женщины, покидающих семьи для тайных встреч, есть занятия поинтереснее, чем сбрасывать с пожарных лестниц посторонних девушек.)

– А это точно было убийство? – спросил Андрей – Не могла девушка выпасть с площадки сама?

– Не могла, – вздохнул майор, – дело в том, что её предварительно задушили.

– Да. У неё на шее была strangulation борозда, – сказала я, и майор посмотрел на меня подозрительно:

– А вы откуда знаете?

– Видела труп, когда шла утром с рынка. Её сбросили с нашего этажа?

– С вашего, – ответил майор и посмотрел на меня ещё более подозрительно. – Имя Галина Алексеенко вам ни о чём не говорит?

Я не знала девушки с таким именем, и это имя говорило мне сейчас только о том, что со мной опять что-то неладно. Вчера, делая наброски очередной статьи, я записала в блокнот «Алексеенко». Эту фамилию я придумала для героини своей будущей статьи, потому что по соображениям этики не могла назвать читателю её настоящее имя. Мне стало как-то очень неуютно на душе. Я ответила майору, что не знаю такой девушки, и мы с Черновым расписались в протоколах.

– Чёрти что, – сказала я, едва закрыв за майором дверь, и показала Андрею свой рабочий блокнот с записью «Алексеенко», а потом включила компьютер, в котором были набраны несколько глав романа, который я начала писать. А начинался он фразой: «Вас когда-нибудь пытались выбросить с седьмого этажа?». – Что происходит, Андрей?

– Я всегда утверждал, что ты у меня – ведьмочка.

– Ты хочешь сказать, что я предчувствовала это убийство? Не знаю. Но вспомни случай, когда мы отдыхали летом в Бете, и в двух шагах от нашей веранды свалился в пропасть и погиб мужчина. А теперь эта девушка выпадает с пожарной лестницы, которая расположена прямо за дверью нашей квартиры! Рядом ходит смерть, и мне страшно!

– Я с тобой, малыш, – сказал Чернов, нежно прижимая меня к себе, но мысль о возможном сексе ни его, ни меня не посетила.

Мы заварили чай, позавтракали, беспрерывно обсуждая происшедшее: кто мог убить девушку и по каким мотивам, было ли изнасилование, слышал ли кто-то из соседей её крики, если нет – почему не кричала. Был ли убийца её знакомым, или она нарвалась на маньяка. А потом Андрею позвонили, и он огорчил меня известием о том, что в городской Думе срочно собирается внеочередное заседание комитета, и ему надо бы съездить на пару часиков.

(Стоило пару раз в случае крайней необходимости оставить нескольким знакомым номер телефона нашей подпольной квартиры, как звонить сюда стало чуть ли не полгорода с той же завидной регулярностью, что и в контору.)

Мне впервые стало страшно оставаться одной в нашей квартире. Позвонила на работу Лизе. Подруга корпела над очередным репортажем с молодежного форума, который писался ни шатко, ни валко, и была рада отвлечься на разговор со мной. Я неоднократно предлагала Лизе перейти в наш еженедельник, но она, соглашаясь, что у нас и темы круче, и коллектив интересней, всё никак не могла решиться. Её смущала скандальная слава нашего издания. Приключения Лизка искала в личной жизни, а на рабочем месте предпочитала покой и стабильность, и её «Молодёжка» вполне ей это обеспечивала.

Я рассказала Лизе об утреннем происшествии и поделилась мнением, что всё это неспроста, и впечатление такое, словно вокруг нас с Черновым образовалась какая-то чёрная дыра, в которую проваливаются люди. Но Лиза была в подобных вопросах гораздо прагматичнее меня.

– Так ты договоришься до того, что человек родился, прожил на свете семьдесят лет и умер только для того, чтобы его похоронная процессия встретила тебе по пути на работу и испортила настроение, явившись дурным предзнаменованием для начала дня, – сказала она. – Заперлись там с Черновым в своём любовном мирке и потихоньку впадаете в маразм от избытка чувств. Ты бы лучше приехала ко мне в гости и посмотрела, какую я люстру шикарную приобрела, а ещё перестановочку в зале произвела. Муж, конечно, ворчал и упирался, но квартира так сразу преобразилась, что любо посмотреть.

(Всё правильно. Женщине для полного счастья нужен дом, забитый мебелью и мужчиной, который бы время от времени переставлял её с места на место. И чем реже мужик свою жену имеет, тем чаще ему приходится двигать мебель, ибо удовлетворённой женщине абсолютно всё равно, в каком порядке располагаются её шкафы и диваны.)

Я пообещала Лизе как-нибудь выбрать вечерок, заехать к ней пообщаться и оценить люстру. Несколько раз я выглядывала в окно. Тупа из него видно не было, но я знала, что тело ещё не увезли, потому что у гаражей, расположенных напротив моего окна, толпились люди, глазающие в ту сторону и обсуждающие происшедшее.

Наверное, такое возможно только у нас в России: мёртвая девушка, убитая ночью, весь день лежит на земле в жилом микрорайоне, даже не прикрытая простынёй, на глазах у жильцов и случайных прохожих, в том числе и детей. Впрочем, чему тут удивляться, если однажды в центре города в течение шести часов на стреле башенного крана провисел самоубийца-крановщик, которого никто не снимал до приезда эксперта, а эксперт на весь город только один.

Потом раздался дикий женский крик. Наверное, пришла мать или кто-то другой из родственников убитой. Представляю, каково увидеть такое!

Вернулся Андрей, и мы бродили с ним по квартире, не находя себе места и продолжая выстраивать всевозможные версии случившегося. Пожарили цыплёнка, но поесть толком не смогли. Не давали покоя тревожные мысли и неприятное ощущение оттого, что там, с торца нашего дома, витает над мёртвым телом загубленная душа. Чтобы хоть как-то от этого всего отвлечься, я взялась за привезённые Андреем свежие газеты.

– Смотри, как интересно, – привлекла я его внимание, – тут пишут, что идеально подходят друг другу люди, в именах которых совпадает максимальное количество согласных. Например, Валентин и Валентина.

– Возможно, малыш, – отозвался Чернов. Тогда мы тоже подходим друг другу. Дарья и Андрей. Совпадают «д» и «р».

– Ерунда это всё. Ты забыл, что муж у меня тоже Андрей? Уж какая идеальная у нас с ним пара, дальше некуда! Тогда по идее с Александрями мне и вообще сам Бог велел сочетаться узами Гименея. Все три согласных в моём имени совпадают. Но, однако ж, ни с одним Сашкой, хотя многие мне и нравились, ничего никогда путного не выходило.

– Ладно, малыш, Бог с ними, с именами. Хочешь, я покажу тебе свой любимый пасьянс?

– А ты умеешь раскладывать пасьянсы? – удивилась я.

– Балуюсь иногда на досуге. Тащи карты!

Мы уселись на палас. Андрей раскладывал карты, объясняя мне, в чём суть игры. Я сразу же увлеклась. Один из пасьянсов Андрей назвал екатерининским и сказал, что научил ему императрицу князь Потёмкин...

Где-то около четырёх дня тело наконец-то увезли в морг, и стало немного спокойнее. К семье я решила уйти в тот день пораньше, потому как надо было готовить мужикам ужин, с тем расчётом, чтобы хватило на два дня, и завтра можно было домой не спешить.

Однако дома у меня никого не оказалось. На письменном столе лежала записка от Митьки: «Ушёл на школьный вечер. Буду около 22-х часов». Я провозилась часа два в кухне и поняла, что Андрей сегодня не придёт. Очередное «дежурство». Никем не востребованный ужин остывал на плите, а я сидела, всеми покинутая, и раскладывала карты, загадывая при этом желания. Пасьянсы раскладываться не хотели.

Господи, ну, зачем я вообще сюда прихожу, в этот дом?! Эта мысль в последнее время посещала меня всё чаще.

(Почти каждый вечер, возвращаясь к своей семье, я думал о том же.)

Несколько раз ко мне на колени запрыгивал Бакс, но я его скидывала, потому что этот не в меру игривый кот пытался расположить карты по-своему, отбивая их лапой в сторону. Оскорблённый полным невниманием к его сиамской персоне, Бакс, в конце концов, уселся посреди кухни и принялся скрестить лапами линолеум. Это была угроза наделать кучку или лужицу прямо здесь и сейчас. Я запустила в наглеца тапочкой. Бакс отпрыгнул в сторону, невинно посмотрел на меня своими бирюзовыми глазами и снова принялся скреститься.

– Ну, вот! А ведь из пипетки тебя молоком поили! Вырастили на свою голову!.. Ладно, пошли, вымогатель, – я взяла кота подмышку, и мы отправились смотреть телевизор. То есть смотрела, конечно, я, а Бакс удовлетворялся тем, что улегся мне на живот, пригрелся и, немного помурлыкав, вскорости заснул. Сон был основным занятием этого создания. По ночам Бакс спал исключительно со мной, меня вообще любят кошки, я их – тоже. Может, в прошлой жизни я принадлежала к их породе?

(Да она и в этой жизни к ней принадлежит! По гороскопу Львица и Тигрица. Кошка в квадрате.)

В одиннадцатом часу вернулся сын и сразу же набросился на еду. В его четырнадцать лет всё время хочется есть. Утолив голод, Митька положил передо мной составленную им самолично анкету. Она называлась «Хорошая ли вы мама?» и выглядела примерно так:

*Если ваш ребёнок пристаёт к вам с глупыми вопросами, вы:
говорите, что устали от его трескотни;
предлагаете ему прочесть свою последнюю статью;
кричите, что лишены возможности посмотреть свой любимый фильм.
Если ваш ребёнок не купил хлеба и забыл вынести мусор, вы:
делаете это за него, ворча, что никому ничего нельзя поручить;
не даёте ему денег на карманные расходы;
надеваете ему на голову кастрюлю и колотите по ней половником...*

– Дима, я плохая мать? – спросила я огорчённо, проглядев анкету.

– Почему – плохая? Вовсе нет.

– Но ты же зачем-то составил эту анкету. Я редко бываю дома, мало уделяю тебе внимания, да?

– Да нет, это я так, хохмы ради, – сказал Димка, который, будучи крайне дипломатичным мальчиком, не любил никого обижать. Но я поняла, что ему действительно не хватает общения со мной.

Мы посмотрели с Митькой какой-то пустой боевичок по телевизору и около одиннадцати разошлись по койкам. Мне не спалось. Стоило закрыть глаза, как возникала картина. Светловолосая девушка в бежевой куртке идёт по коридору. Она не бежала, не кричала – просто шла, покачиваясь и слегка пританцовывая, и была сильно пьяна... Потом балкончик на пожарной лестнице... Девушка курит... Мужчина, невысокого роста, тёмноволосый, носатый, его имя начинается с буквы «А»...

Лицо вырисовывалось всё яснее, ещё немного, и изображение стало бы совершенно чётким... Я вскочила и вышла на кухню. Я не хотела этого видеть и знать! Включила свет и снова принялась раскладывать пасьянсы, пытаюсь оградиться от навязчивых видений. В голове возникали отрывочные фразы, которые постепенно складывались в стихи. В отличие от пасьянса они, кажется, получились.

*Как причудливо карты легли!
Но пасьянс мой ещё не разложен.
Загадаю о вечной любви,
Только этот расклад невозможен.*

*Что за карта, сплошные кресты!
С этой мастью не светит удача.
И закрыли мне дамы ходы,
Королей своих ревностно пряча.*

Со своею поспорю судьбой,

*Раз уж выдался вечер свободный.
И не нужен король мне чужой —
У меня в рукаве благородный.*

*Разложу по мастям всех рядком,
А не выйдем — попробую снова.
Из-за пиковой дамы тайком
Подмигнул мне красавец бубновый...*

Заснуть мне удалось только под утро. Это был не лучший день в моей жизни. И хуже всего было то, что я почему-то была уверена: странная история с убийством девушки на этом для меня не окончится.

ПРОЦЕНТ БРАКА

Все, кто хотел выразить своё возмущение моими статьями, опубликованными в субботнем номере, в понедельник утром уже поджидали за дверью кабинета, и я натыкалась на них, едва выходила после планёрки в приёмную. С выражениями благодарности обычно никто не спешит, и, едва заведя первых посетителей, я сразу понимала: предстоит неприятный разговор.

Лицо этого мужчины сразу показалось мне знакомым. Скорее даже, не лицо, а осанка, манера двигаться величаво, с достоинством и говорить так же. Он стоял очень прямо, в дорогом пальто и со сложенной газетой в руках. С нашей газетой.

– Вы – Дарья Леденёва? – удостоверился мужчина и прошёл вслед за мной в кабинет. – Я хотел бы переговорить с вами по поводу вашего материала «Врачи просто ждали её смерти. И дождались».

И тут я узнала его. Главврач городской больницы. Ещё бы ему не придти выяснять ко мне отношения! Я недвусмысленно показала, что во вверенной ему больнице месяц назад врачи буквально убили пожилую женщину. Она умерла из-за равнодушия медиков, которые сначала поставили ей неправильный диагноз, а потом не уделили должного внимания.

Больную доставили в приёмный покой с варикозным расширением вен в нижней части пищевода, у женщины из горла фонтаном шла кровь, но первые полчаса к ней вообще никто не подходил, а затем девять часов подряд, до самой смерти, в её вены вливали физраствор. Двенадцать бутылок. А женщине нужна была кровь. Но только через четыре часа выяснили группу, которая оказалась редкой, а потом заявили, что крови мало, и она нужна молодым.

Каково было двум дочерям услышать ночью от дежурного врача, что их семидесятилетняя мама своё уже отжила, а утром – от профессора, что вполне можно было бы сделать операцию, сердце у старушки выдержало бы! Но к тому моменту оно уже остановилось.

Я ещё так красиво завершила материал. «Очень трудно поймать врача за руку и доказать, что он мог спасти человека и не сделал этого. Для медиков наша единственная мама – естественный процент брака в работе. На производстве, где на конвейере стоят наши с вами жизни, халатность людей в белых халатах – это ответ на вечный вопрос: быть или не быть».

По-моему, очень эффектная концовка. А главврачу не понравилось. Он спросил, уверена ли я в своей правоте. Я ответила, что на все сто, и тогда он заявил, что в таком случае нечего ему со мной разговаривать, и он пойдёт к главному редактору. Бедняга Чернов!

Через полчаса я к нему заглянула. Главврач уже удалился, и Андрей был один.

– Обещали иск? – спросила я.

– Да какой там иск, малыш! Так только – душу излить, выговориться мужик приходил. А то он не знает, что творится в его больнице. Ясно, крови нет, медикаментов не хватает, простыни драные, зарплата у медперсонала мизерная, но это же ещё не повод стоять над больным в ожидании, пока он благополучно скончается!.. У тебя ксерокопия медицинской карточки есть?

– Конечно. И письменные рассказы дочерей о событиях той ночи – тоже.

– Ну, вот видишь. Подай сейчас главврач в суд на газету – возможно назначение независимой экспертизы, в ходе которой будет доказано, что пациентка погибла по вине врачей. Родственники начнут требовать возмещения морального ущерба и высудят приличную сумму, не говоря уже о том, что в ходе гражданского процесса может быть возбуждено уголовное дело. А после подобного прецедента в суды повалят толпы родственников, которые также считают, что их близких загубили в больнице. Другое дело, многие ли из них правы, но шума будет! Это совсем не в интересах нашего посетителя. Другое дело, что членам нашего коллектива теперь лучше в эту больничку не попадать – зарежут насмерть при вскрытии фурункула на заднице!

А потом позвонила женщина, которая прочла статью, так не полюбившуюся главврачу больницы, и решила поведать мне свою судьбу. И после обеда я отправилась разыскивать указанный дом на улице Северной, поскольку звонившая была так слаба, что практически не выходила из квартиры.

Нина Арсеньевна жила в просторной трёхкомнатной квартире с мужем, двадцатидвухлетней дочерью и внуком, но на момент моего визита была одна. Она с порога предложила мне разделить с ней обед, предупредив, что все протёрто и обезжирено, поскольку ничего иного ей есть нельзя. Я не рискнула присоединиться к трапезе, так как не была уверена в том, что смогу проглотить хотя бы ложку подобной еды и, чтобы не обидеть хозяйку, сказала, что уже пообедала в редакционной столовой и лучше выпью чаю. И Нина Арсеньевна, усадив меня на кресло в зале, медленно и осторожно прошествовала на кухню. Я вызвалась ей помочь, но она сказала: «Сама. Сама. Я пока ещё могу».

А потом мы пили чай, и она рассказывала мне историю своей жизни, которую превратила в ад ошибка хирурга во время простейшей операции. С тех пор она перенесла ещё одиннадцать операций и превратилась из цветущей женщины в калеку.

– Дочка мне досталась тяжело. Когда родилась Рита, мы с ней сразу после роддома оказались в больнице. Внесли этой крохотулечке инфекцию, и начался сепсис. Никто не верил, что девочка выживет. Спасение было в молоке. А у меня его, слава Богу, было столько, что хватило ещё и адыгейского мальчика выкормить. Мать его подошла: «А вы что, молоко в раковину сливаете?» – «А куда ж мне его?». Стала она мне Русланчика своего носить на кормление. На лбу мне какой-то знак нарисует, примета у неё вроде такая. Просила только, чтобы муж её не узнал, что русская кормит. «Ладно, – говорю, – мне-то что». Сейчас часто вспоминаю этого ребёнка. Ведь такой, как моя Ритка уже, только тёмненький, наверное... Выгляжу я обманчиво. Вроде симпатичная женщина, да? А ведь на мне места живого нет.

Изуродованное тело этой женщины трудно описать. Она распахивает передо мной домашний халат, и я вижу, что она изрезана вдоль и поперёк. В центре живота вместо кожи – тоненькая плёнка, через которую можно наблюдать, что происходит внутри.

– Соседи говорили: что она всё по больницам, здоровая ведь женщина, – продолжает свой рассказ Нина Арсеньевна. – А я выйду из дома, живот пелёнкой затяну, натяну плащик вместе с улыбкой, выпрямлюсь и иду, со всеми здороваюсь, за угол сверну и только тогда: «Ой!». Никому ведь незачем знать, каково мне на самом деле. Началось всё это двенадцать лет назад. Непроходимость. Вышла домой после операции (теперь этот хирург – известнейший в крае), съела две вареные картошки – заворот кишок. Соседка выскочила вместе со мной на улицу, дома я скорой дожидаться не могла, и до её приезда каталась по траве. «Нет у вас непроходимости, – сказали мне семь хирургов сразу. – Вы просто напуганы». В госпитализации отказали. Я с ума сходила от боли. Бросаюсь к заву хирургическим отделением: «Вы тут главный, помогите!». – «А вы рентген делали?» И тут я упала... Вторая операция длилась четыре с половиной часа и без общего наркоза... Я терпеливая, стонала тихо.

В палате восемь коек и три тумбочки. Я провела в ней несколько месяцев, всё это время со мной сидела свекровь. Она меня любила. Я ведь работящая, весёлая была. Ей уже семьдесят пять было. Сидит-сидит ночью у моей кровати на стуле, да и упадёт на пол. Плакала всё: «Да за что ж тебе такое, дочка! Лучше бы я умерла». А у меня пневмония, абсцесс лёгкого, брюшина распалась. Питание – капельница, в нос – кислород, в животе – трубочка, которая через неделю после операции провалилась. Я плачу: «Мама, я на части распадаюсь. Смотрите Риту».

Выписали меня из больницы как безнадежную. Домой – умирать. Я уж и деньги отложила на похороны. А всё улыбалась. Потом такое дикое желание было стянуть горло и повеситься на бинтах, так, думаю, и застынет на лице навечно эта натянутая на него улыбка. Ритка прибежит домой со школы: «Папа, мама ещё не умерла?».

Появилась я в больнице снова, как приведение. Там на меня, как на него, и смотрели. Стою в бурках каких-то, сапог натянуть не могла, бледная, а всё живая. Ритка плачет: «Дядя доктор, спасите маму. У всех мамы есть, а у меня не будет». Профессор сказал: «Постараюсь, и, может, она ещё купит тебе на свадьбу перстенёк». Так и вышло.

Почитать мою историю болезни – сплошной роман. Меня только на кафедре студентам показывать. Оно, конечно, болезнь не красит. У меня ведь коса в руку была, на гитаре играла, в хоре пела. А после того, как пролежала полтора года, волосы вытерлись на голове. Ходить заново училась. И всё же старалась оставаться женщиной. В больнице ты не человек, ты просто больной. Это и имя твоё, и кличка, и социальное положение. И выглядеть ты должен соответственно. А я, видите ли, всё прихорашивалась. Причешусь, подкрашусь...

Стала жаловаться на боли в правом боку. «Посмотрите на себя в зеркало, какая вы больная, – говорит мне лечащий врач. – Вам только кажется, что у вас боли. Вы психопатка. Я вам психиатра вызову». Ночью меня стало рвать. Нашла в ординаторской врача: «Сделайте что-нибудь!» – «Ну, зовите сестру, пусть ношпу даст, – сонно отвечает он». Утром подошла к зеркалу – вся жёлтая. УЗИ показало камни в жёлчном пузыре. Ещё немного, жёлчный пузырь просто лопнул бы. Я врачу говорю: «Вот вы, Ольга Ивановна, шевелюру мою заметили и помаду на губах – тоже, а камни в жёлчном пузыре – нет?» – «Готовьтесь на девятую операцию».

Знаете, Даша, какая интересная штука – клиническая смерть? Блаженство начинается с ног. Я переживала её дважды. Сначала холодеют ноги, потом холод поднимается выше... выше... Я слышу: «Всё бесполезно. Если не сейчас, на столе, то к вечеру умрёт». Но я ведь уже умерла! Сознание – это облако, оно парит над телом, и я с изумлением наблюдаю за тем, как врачи склонились над моим телом, этим бревном, и что-то там делают с ним. А я лечу! Долго лечу высоко в небо... Только это было не так, как рассказывают другие – чёрная дыра, а наоборот – всё блестящее, как детские новогодние шары и дождики. Великолепные колонны, всё сияет, так красиво! А облачко сознания летит... А потом такой строгий голос: «Возвращайся назад. Здесь жизни нет». И я послушалась.

А во второй раз совсем близко видела лицо умершего брата, он кричал: «Нина, не подходи близко!». В тот раз пожалела, что вернулась к жизни вновь. Хотя всегда верила: не умру. Мне отмерен свой срок. «Вы нам надоели, – сказали мне в больнице. – Неужели вы не понимаете, что никто уже не хочет вас лечить». Я понимала. Уже все оставили на моём теле по несколько автографов. Что же мне, прикрыться простынёй и на кладбище ползти? Я же машинисткой работала. Столько диссертаций на медицинские темы напечатала! Все термины знаю. А практику пришлось проходить на собственном изрезанном теле. Терплю врачей: посмотрите мне здесь, проверьте там. А кто молчит – тот должен умереть.

Посмотреть мою карточку – так я на миллионы дефицитных лекарств съела. А кто мне их давал? Самой-то тоже купить не на что. Такая нищета! Некоторые препараты половину моей пенсии стоят. И у близких из-за меня жизнь не складывается. Муж столько лет нормально не живёт, какая я жена! Дочка с мужем развелась. Мне бы ей помогать, а не ей – мне! Перешить бы живот заново, в последний раз, да чтоб попрочней, да нервишки подлечить. Ни разу в жизни ни в санатории, ни в доме отдыха не была. Меня уже и вода, из крана капающая, раздражает.

Я подумала, что меня тоже раздражает вода, капающая из крана, и ещё – что я не выдержала бы такого. И словно угадав мои мысли, Нина Арсеньевна говорит:

– Предлагали мне всякие экстрасенсы свои услуги. Да что мне они, я такого за эти годы насмотрелась, что сама стала экстрасенсом. И у кого что болит – вижу, и кто из больных скоро умрёт – знаю, и кому долгая жизнь суждена – тоже. Вам вот жить долго, очень долго. Почти до девяноста лет.

– Не хочу до девяноста, – вздохнула я, – хватит и семидесяти пяти.

– Эх, Даша, если есть здоровье – что ж не жить-то, особенно в труде. Я и дочке говорю: положил кто камень – положи на него свой, посадил кто дерево – посади рядом своё. И сейчас, как могу, тяну своё семейство. Борщик на мясе им сварю, открою крышку, понюхаю – нельзя! А так хочется. Ем свои сухарики, слабею, голова кружится, а живу!

Я уходила от этой женщины, для которой невозможно подобрать слова утешения, под сильным впечатлением. Я не медик, и не знала, можно ли сделать так, чтобы она вернулась к нормальной жизни, и что для этого нужно: лекарства или ещё одна операция. Ничем не могла ей помочь, разве что написать об этом удивительном характере, позволяющем жить, несмотря на всю боль и желание умереть, чтобы её больше не чувствовать.

Вернулась в редакцию и сразу же пошла делиться впечатлениями о визите к Нине Арсеньевне с Черновым. Андрей сидел за столом, заваленном, как обычно, грудой бумаг, и что-то быстро строчил.

Он немного послушал меня и сказал:

– Ты не выговаривайся, малыш, а иди и пиши. Переложи все свои эмоции на бумагу, должен получиться неплохой материал.

Я перешла в свой кабинет и набрала на компьютере первые строки будущего материала, который назвала словами своей героини: «Кто молчит, тот должен умереть». Но тут позвонила подруга Лиза и начала с упрёков, что так и не дождалась меня на выходные в гости. Я сказала, что каюсь, обещаю исправиться, и тут же предложила, если она, конечно, хочет, пойти куда-нибудь попить кофе с коньяком.

Лиза хотела. И я пошла к Чернову выпрашивать пятьдесят рублей для похода в ближайшее кафе. Полтинник мне выдали незамедлительно, но Андрею явно не понравилось, что мы собрались идти в кафе уже после шести вечера. Он беспокоился, как я буду потом добираться, и предложил, чтобы по домам нас с Лизой часов в девять развёз наш редакционный водитель Юрка Шаманов. Я не возражала.

Лизка у меня красивая. Платья на работу она носит такие, в каких обычно ходят в ресторан. Её муж Руслан возражает только против чересчур глубоких вырезов, из которых буквально вываливается Лизкина роскошная грудь. С тем, что её бесконечные ноги всё равно не упрячешь, Руслан уже смирился и больше не пытается купить ей юбку подлиннее – всё равно она её урежет. Вот и сейчас она скинула чёрный кожаный плащ, повесила его на спинку стула, и осталась в чём-то безумно-сиреновом, обтягивающем её нестандартные формы, как чулок. Лиза уселась, встряхнула своими длинными чёрными волосами, закинула ногу на ногу и сказала:

– Рассказывай.

Но я понятия не имела, о чём ей рассказать. О последних материалах – вряд ли ей будет интересно. О Чернове – ещё менее. Лиза считала, что я слишком затянула с ним роман, и из любовника он практически превратился во второго, почти законного, мужа. А кто же говорит о мужьях! Кому это интересно? Я пожала плечами и закурила, и тут Лизка спросила:

– Вот всё думаю, не превратиться ли мне в блондинку? Как-то измениться хочется. У тебя какой фирмы краска? Какой оттенок на упаковке: значит пепельно-русый или светло-пепельный?

– Я не крашу волосы.

– Как – не красишь? В смысле, вообще? – озадачилась подруга, подозрительно вглядываясь в корни моих волос. – Что, никогда, что ли? Надо же.

– Только периодически посыпаю голову пеплом, – рассмеялась я.

Мы заказали кофе, коньяк, арахис, чипсы, шоколад и принялись болтать обо всём на свете – погоде, общих знакомых, сыновьях и шмотках. Лиза всё поглядывала по сторонам в поисках устремлённых на неё влюблённых мужских взоров, но таковых не наблюдалось. За одним из столиков сидела пара средних лет, за другим – трое мужчин явно за сорок, ещё за двумя, сдвинутыми вместе, – молодёжная компания, в которой девчонок было больше, чем

парней. Но Лиза всё же дождалась интересующих её объектов – двух мужчин лет двадцати семи, симпатичных, в элегантных костюмах, при галстуках, и тут же принялась стрелять глазами в их сторону, смеясь и говоря несколько громче, чем следовало бы воспитанной девушке.

– Ах, какие мальчики, ты, смотри, смотри, – привлекала время от времени Лиза моё внимание. – Этот, светленький, особенно.

– Именно что – мальчики, – рассмеялась я. – Куда нам, старым кошёлкам.

Лиза даже обиделась немного:

– Ну, во-первых, никто никогда не даст нам с тобой наших тридцати семи лет – максимум по двадцать восемь. А во-вторых, они и сами на нас очень даже, замечу я тебе, заинтересованно поглядывают.

– Ты же бросила, – отозвалась я на Лизину попытку вытянуть сигарету из моей пачки.

– Сто раз бросала, – одну сигарету Лиза ненароком сломала и принялась вытягивать другую.

И тут к нам подошел один из тех парней и попросил зажигалку. Сначала он поднёс огонёк к Лизиной сигарете, затем закурил сам и сказал:

– Девочки, вы не будете возражать, если мы с товарищем пересядем за ваш столик? У нас небольшое торжество, и хотелось бы его с вами разделить.

Я не решилась возразить, Лиза бы мне этого никогда не простила. И через пару минут парни уже расположились за нашим столиком. Лиза успела шепнуть: «Только не умничай, умные бабы никому не нужны. Мы с тобой – швеи-мотористки. Ясно?». Мне всё было ясно.

Впрочем, у мальчиков были свои представления о роде наших занятий. Один из них вызвался угадать наши профессии, и тут же решительно заявил, что мы непременно должны быть медсестричками, и он прямо-таки видит нас в беленьких халатиках, которые очень нам идут. Что ж, в конце концов, у каждого свои сексуальные фантазии, их надо уважать. Мы с Лизой, поохав от удивления по поводу поразительной прозорливости нашего нового знакомого, принялись весело щебетать о том, как тяжело сейчас работать, какие капризные пошли больные, и как мало платят. А Лизка так увлеклась, что стала уже плести что-то о том, что мечтает стать анестезиологом, но никак не может пройти по конкурсу в мединститут.

(Вернее было бы сказать не «по конкурсу», а «по возрасту».)

Ребята представились Виктором и Михаилом, «сотрудниками спецслужб», коими они являлись с той же степенью вероятности, с какой мы с Лизой – медицинскими сёстрами. Но я вдруг поймала себя на мысли, что и мне тоже приятно пококетничать с симпатичными хлопцами и послушать щедро расточаемые в наш адрес комплименты. Беспокоило только, что наша кампания слишком много пила, и почти без закуски, ведь орехи и чипсы – это не еда, если учесть, что мы с Лизой сегодня даже не обедали. Я почувствовала, что пьянею, но взглянула на часы и успокоилась: через пятнадцать минут должен был приехать Юра. Предложила Лизе пройти в дамскую комнату, и пока она обрисовывала красным карандашом свои полные капризные губки, сообщила, что пора собираться.

– Вот и собирайся, а я лично никуда не спешу, – заявила Лизка, и я поняла, что она успела-таки порядком надраться. – У тебя и муж дома, и Чернов есть, а у меня – никого. Вечно ты, как только какой-то подходящий вариант наклонится, норовишь развалить компанию.

Все мои доводы о том, что она может обменяться со своим Михаилом телефонами и встретиться в другой раз, а сейчас было бы очень удобно, если бы Юрка развёз нас по домам, не возымели действия. Лизка закусилась удила и требовала продолжения банкета. Видно, парень ей понравился конкретно, и она не хотела пускать дело на самотёк.

Мы вернулись за столик, и я объявила, что мне пора. Ребята заметно расстроились, принялись уговаривать посидеть ещё немного, но я решительно направилась к выходу, и Виктор последовал за мной. Он явно намылился провожать меня до дома, но мы не прошли и ста по улице метров, как я заявила:

– Спасибо, что проводили. А вот и моя машина.

Прекрасно сознавая всю глубину своей стервозности, я распахнула дверцу нашей служебной «Волги» и уселась на переднее сидение, оставив бедного парня посреди улицы в полном недоумении. Есть особый кайф в том, чтобы пофлиртовать с человечком, а потом элегантно испариться.

– Что, обломала парня? – рассмеялся наш водитель, поняв мой маневр.

– Только вздумай шефу доложить, – пригрозила я, прекрасно зная, что Юрка непременно это сделает.

(И он доложил!)

РЫЦАРИ ПЛАЩА

На следующий день я снова принялась за отложенную вчера статью, но во второй раз была оторвана от этого занятия звонком Лизы. Я ожидала, что она, захлёбываясь от восторга, поведаст мне о том, чем завершился вечер, или, по крайней мере, пожалуется, что опять перепила, сдуру парню нагрубил и прогнала его (обычно этим и заканчивались все Лизкины похождения), но действительность превзошла все ожидания. Голос у Лизы был болезненным и несчастным, она объявила, что у неё – крупные неприятности и просила срочно приехать, так как по телефону ничего рассказать не сможет. Подруга пребывала в дурацкой уверенности в том, что её муж поставил на телефон жучок, чтобы прослушивать её разговоры. Я сильно сомневалась в том, что Руслан стал бы заниматься подобной ерундой, но приехать пообещала. Лиза не часто просила меня о помощи, хотя всегда охотно предлагала свою.

Я объявила Чернову о том, что у Лизы что-то произошло, и попросила на пару часов машину. Юрка вёз меня уже знакомым ему маршрутом в Юбилейный микрорайон и по дороге выпрашивал:

– Что там стряслось у твоей подружки? Может, я могу оказать первую медицинскую помощь?

– Ты со своими подружками сначала разберись. Добегаяешься, что и Натаха, и Верка, обе разом тебя прогонят, и лишат тем самым одна – любви, другая – крыши над головой. Будешь тогда подпрыгивать!.. А Лизке ты неинтересен, она блондинов любит.

– Подумаешь, – сразу же надулся Юрка.

– Слушай, а что ты на Натахе никак не женишься? Сколько вы уже вместе, лет восемь?

– Думаешь, я ей не предлагал? Сто раз предлагал. Ни в какую! Мы ж с ней вместе, как кошка с собакой, а врозь не можем. Неделю не увижу её – всё! Хоть на стенку лезь. А она упёрлась, говорит, что я на шесть лет моложе, и обязательно рано или поздно её брошу. А так вроде и муж при ней, и со мной любовь крутит... С одной стороны надёжно, с другой – приятно.

– Да и ты неплохо пристроился. Днём с Наташкой, ночью – с Веркой, и обоим рассказываешь, какой у тебя шеф изверг, как много работать заставляет.

– Пусть жалеют, – весело ответил Юрка, который по пути от одной своей женщины до другой умудрялся ещё и девочку какую-нибудь подцепить. Если бы этот любвеобильный шалопай умел ещё и деньги зарабатывать, цены б ему не было.

(Ах, эта вечная женская погоня за идеалом. И любовь, и деньги сразу? Так не бывает. По крайней мере, не в России. Тут уж или – или.)

Лиза открыла мне дверь и молча похромала в спальню, упав на огромную смятую постель, на которой, по-видимому, и валялась до моего прихода. Разглядев подругу на свету и прекрасно понимая, что это совсем некстати, я всё же рассмеялась. Волосы у Лизки были включены и выглядели поблекшими, лицо распухло, а под глазом красовался огромных размеров фиолетовый синяк.

– Вот это, я понимаю, страсть! – сказала я, усаживаясь на пуфик.

– Смешно, да? – прохрипела Лизка и уткнулась лицом в подушку.

– Это кто тебя так? Милый блондинчик Миша, работник спецслужб?

– Милый блондинчик посидел пару часиков и исчез. Сказал: на минутку – и растворился. Сижу, как дура, а его всё нет и нет, – начала Лиза свою печальную повесть, приподнявшись с подушки и опираясь на локоть. – Но мы до этого ещё бутылку коньяка усидели. И вот сижу, не знаю, что делать: то ли ещё подождать, то ли уходить уже, и тут подходит ко мне парень, весь такой из себя, и приглашает на танец. Я встала и попёрлась с ним танцевать. Вот, дура, прости господи!

– Очень самокритично!

– Потанцевали! Сначала всё вроде было чинно так, и тут он мне говорит: «Выйдемте на секундочку на свежий воздух, здесь так накурено». Я тащусь за ним во внутренний дворик, и тут меня – раз – и впихивают в какую-то машину. И опомниться не успела, машина с места рванула и понеслась. Я задёргалась: вы что, куда? А их в машине трое: один за рулём, а я оказалась на заднем сидении между двумя мужиками, они меня за локти держат. Стала орать, вырываться, и один из них, как заедет мне в глаз!.. И тут меня, представляешь, вырвало. Прямо фонтаном, на мужика этого, на сидения. А водитель притормозил и заорал: «Выброси эту суку! Все чехлы мне заблевали». Один из машины вышел и за волосы меня вытянул, швырнул об асфальт, да ещё ногой под рёбра... Гады!

Лизка разрыдалась, а я даже не знала, что ей сказать. Что она сама во всем виновата? Что её блондинчик просто-напросто слинял, как только увидел, что дама явно перебрала, и сейчас с ней начнутся проблемы? Что не стоит сидеть по ночам одной в кабаках и танцевать с незнакомыми мужчинами? Что в своих безумно ярких нарядах, вся размалёванная, она выглядит как стареющая профессионалка, ночная бабочка? Она и сама всё это знала. И я сказала:

– Слава Богу, не убили, не изнасиловали. А что случилось – то уже случилось, что тут поделаешь.

– Да это же ещё не всё, – простила Лиза. – Я кое-как на ноги поднялась, на дорогу вышла. Дедок какой-то на «москвиче» остановился, взялся меня довести. Всю дорогу ревела, дед меня успокаивал. Только у самого дома очухалась, что плащ-то мой и сумочка в кафе остались, на стуле! Но не ехать же было за ними обратно.

– Бог с ними, с плащом и сумкой. Главное, ты живая. Или там много денег было?

– Денег-то немного, но ведь документы, ключи... Хорошо, что у соседки есть запасной комплект, я хоть домой попала, даже за машину не расплатилась... А плащ! Что я Руслану скажу? Он же мне его только на Новый год подарил! Натуральная кожа, итальянский, не Турция какая-нибудь.

– Да уж. Это проблема. – Я прикурила две сигареты, себе и Лизе, и пошла за пепельницей на кухню, где царил несусветный беспорядок, что было для Лизки в порядке вещей.

– Слушай, а, может, сказать Руслану, что я возвращалась вечером из театра, и на меня напали в подъезде? Отняли сумку, сняли плащ и синяк поставили? – предположила Лиза.

– Тебя, видать, точно, вчера сильно стукнули, – рассердилась я Лизкиной бестолковости. – Ты только подумай, что сразу начнётся! Вопросы-расспросы: сколько их было, как выглядели, почему ты не вызвала милицию. А если Руслан сам решит заявить? Что ты будешь там рассказывать?.. Слушай, а ты не звонила в кафе?.. Нет?.. А надо бы.

Я отыскала в справочнике номер телефона и позвонила администратору. Интеллигентный мужской голос ответил мне, что плаща в кафе не находили, а вот забытая женская сумочка в наличии имеется. Я описала Лизкину сумку, и, удостоверившись в том, что это именно она, рассыпалась в благодарностях за сохранность сумочки, по ходу упрекая себя за растерянность. Сказала, что сейчас подъедет мой муж и сумочку заберёт. После чего спустилась на лифте, попросила Юру съездить в кафе за сумкой и вручила ему взятый у Лизы полтинник в виде презента администратору, который, возможно, уже получил в подарок Лизин плащ. А, может, его забрали Лизкины похитители.

– Ну, вот, одной проблемой меньше, – доложила я Лизе, которая варила в турке натуральный кофе. Пока она доставала из подвешного шкафа чашки, кофе с громким шипением полез на плиту, залив коричневой пеной голубой огонь.

Лиза плюхнулась на стул, не выключив конфорки, из которой шёл газ, и снова разрыдалась:

– Вот так вот всё в этой жизни пригорает, как этот кофе! – всхлипывала она.

А я выключила конфорку, протёрла её губкой и снова поставила варить кофе:

– Ты не реви. Ты «отмазу» для мужа придумывай.

Но Лизе ничего путного в голову не приходило. И к тому времени, когда вернулся Юра с заветной сумкой, в которой Лиза сразу же произвела ревизию и убедилась в том, что ничего не пропало, я изложила ей свою версию:

– Значит так. Ни в коем случае не связывай появление синяка с исчезновением плаща. Ясно?.. Руслан с сыном возвращаются сегодня вечером. А синяк ты набила утром. Встала, собиралась на работу, вошла в ванну и поскользнулась спросонья. Ударилась лицом об угол стиральной машинки. Вот и всё.

– А плащ?

– Пару дней о нём вообще молчи, ты же всё равно не будешь выходить из дома. Потом скажешь, что отдала его в ателье укоротить. А через недельку приди домой и поплачься: дескать, везла плащ из ателье в пакете, да и забыла в маршрутном такси. Очень, конечно, тебе обидно, что посеяла подарок любимого мужа, но так уж вышло. Мужик охотнее простит жене рассеянность, чем попытку снять блондина в кабаке.

(Узнаю повадки криминального журналиста и просто женичины. Вот так они и дураят нашего доверчивого брата-мужика.)

– Конечно, – обиженно протянула Лиза, – все меня осуждают! Думают, с жиру бешусь, на мальчиков охочусь. А кто-нибудь спросил, как я живу! Да меня муж родной раз в месяц имеет, да и то чаще всего рано утром, перед уходом на работу, когда я не только что-то почувствовать, проснуться не успеваю! И всё как-то наскоро, обыденно...

– Перед кем ты оправдываешься, передо мной? Не надо. Я тебя прекрасно понимаю.

– Да меня мать родная не понимает! Была она у меня как-то в гостях, а тут как раз один поклонник позвонил... Так она как понеслась: «Что это такое – с чужими мужиками кокетничать! Я всё Руслану расскажу. Такой муж у тебя чудесный, а ты – стерва». Я ей говорю: «Мама, да я от него ни любви не вижу, ни общения! Вечно дома его нет. А что он меня обеспечивает, так ведь не в этом счастье. Ему осталось только вибратор мне к восьмому марта подарить». Как она взвилась: «И слышать подобной пошлости не желаю! Мы с твоим отцом тридцать лет прожили безо всяких этих глупостей душа в душу».

– У тебя же отец был армянин?

– Наполовину. Пил только, как два русских, вместе взятых. Пил и морду матери бил. Она всю семью на себе тянула. Как умер отец, она только вздохнула с облегчением, по-моему. А теперь, видите ли, «душа в душу»!

– Ладно, не страдай. Всё обойдётся, – сказала я. – Ты давай роль учи, в образ вживайся. А мне на работу пора.

* * * * *

...Я вернулась из ванной, обмотанная полотенцем, завязанным узелком на плече, и Андрей сказал:

– Тебе очень идёт такой костюм, что-то вроде греческого хитона.

– Мне всё идёт!

– Положим, не всё. Но лучшая твоя одежда – это полное отсутствие таковой.

– Знаешь, – сказала я, усаживаясь по-турецки рядом с Андреем на диван-кровать, – в детстве, я очень мечтала попасть на настоящий бал-маскарад и надеть длинное платье с глубоким вырезом и пышной юбкой...

– А я всегда мечтал залезть под такую юбку! Может, нам взаимоосуществить наши желания?

– Ты просто бесстыжий сексуальный маньяк! Я была бы на том балу таинственной и неприступной графиней. Кто б тебе позволил «под юбку»? А вот тебе очень пошёл бы мушкетёрский плащ.

– Не хочу, – закапризничал Чернов, – в детстве я уже был один раз мушкетёром. Явился на утренник в начальной школе в сапогах со шпорами, со шпагой, в плаще, усы себе нарисовал и думал, что я – лихой д'Артаньян. А все: «Кот в сапогах, Кот в сапогах». Я тогда так сильно разобиделся, что всякое желание посещать костюмированные балы у меня начисто отшибло.

– Это детские комплексы. У меня тоже было в детстве много комплексов. Сначала я казалась себе слишком большой и сильной, этакой бой-бабой, в которую нельзя влюбиться, потому что была выше многих одноклассников и могла поколотить любого. А к старшим классам мальчишки вымахали, и я почувствовала себя маленькой. Очень расстраивало то, что у меня не такие длинные ноги, как у манекенщиц. Глупо, да?

– Дашка, ты сложена, как античная статуя. У тебя просто изумительно соблюдены все пропорции. Так что не кокетничай.

– Лысец ты, Чернов. Комплиментатор. И говоришь ты это всё, солнышко, с единственной целью – опять заставить женщину быть сверху!

– Ты против?

– Ладно, так уж и быть. Но тогда, если имею тебя я, то посуду моешь ты!

– Не торгуйся, малыш, у тебя это никогда не получалась, – сказал Чернов и развязал узел на полотенце, в которое я была замотана.

НЕ ТУ СТРАНУ НАЗВАЛИ ГОНДУРАСОМ

Статья «Кто молчит – тот должен умереть» неожиданно вызвала шквал звонков и писем. Столько откликов на материал я не получала со времён своей знаменитой «Мёртвой петли» – журналистского расследования убийства женщины из маленького провинциального городка. Судьба Нины Арсеньевны тронула десятки читателей, которые выражали своё мнение по поводу нашего здравоохранения и сочувствие трагедии маленького человека, ставшего его жертвой.

(История одной конкретной жизни всегда гораздо больше трогает и волнует обывателя, чем беспристрастные статистические данные, в которых фиксируются тысячи подобных случаев.)

Через несколько дней после выхода номера газеты позвонила и сама Нина Арсеньевна. Сначала она восхищалась моей «феноменальной» памятью, позволившей настолько точно передать её монолог без помощи блокнота и диктофона, а потом принялась благодарить за оказанную ей помощь и поддержку.

– Да что вы, Нина Арсеньевна, чем же я вам помогла? Разве что привлекла к вашей беде внимание общественности, – сказала я и услышала в ответ то, что немало меня озадачило:

– Именно что, Дашенька, привлекли внимание! И каких людей! Ко мне уже приехал полковник медслужбы КГБ в отставке, и он собирается везти меня в Москву на операцию. Ждём только прибытия спецрейса и медсестры для сопровождения.

– Какой полковник КГБ? – не поняла я. – Какой спецрейс?

– Он так и представился. Тимофей Петрович, полковник медслужбы, такой милый мужчина. Он прибыл в наш край на отдых и случайно прочёл вашу статью. Мы, говорит, всех этих врачей судить будем. Да я говорю: судить никого не надо, если б только можно было меня хоть немного подлечить...

Эта сказочная история показалась мне странной и подозрительной.

– Нина Арсеньевна, как только этот ваш «настоящий полковник» ещё раз у вас появится, позвоните, пожалуйста, мне и задержите его до моего приезда.

– Да он и сейчас здесь. Вот уже три дня, как живёт у нас.

– Вот так? Живет в вашей семье? Ничего ему не говорите, я сейчас к вам приеду.

Я кинулась к Чернову и пересказала ему содержание этого разговора.

– Похоже, работает какой-то мошенник, – задумался Чернов.

– Господи, что ему брать-то с этой женщины? – недоумевала я, внутренне соглашаясь с Андреем. – Там же, кроме старой мебели, ничего в доме нет.

– А вот мы сейчас и проверим, что там за гусь, – сказал Андрей, вставая из-за стола. – У тебя есть знакомый мент при форме, чтобы мы могли захватить его с собой? Но только не слишком важная и занятая персона.

– Сейчас что-нибудь придумаю.

Я позвонила начальнику пресс-службы УВД Виктору Строеву, с которым была в приятельских отношениях, и предложила проехаться по одному адресу. Мы с Черновым сели в машину и поехали в сторону УВД, от здания которого Виктор двинулся вслед за нашей «Волгой» на патрульной машине. С ним был молоденький сержант в форме.

Нина Арсеньевна открыла нам дверь сама, на этот раз её семья была в полном сборе. Оставив нашего водителя в машине, мы с Черновым, Строевым и сержантом прошли в зал, где на диване сидел муж Нины Арсеньевны, и маленький мальчик катал по паркету крошечную машинку.

– Где ваш полковник? – спросил Строев. По его напряжённой позе я поняла, что Виктор готов к любым неожиданностям.

– Да вон он, курит на балконе.

В этот момент в комнату вошёл пожилой сухонький мужичонка в спортивном костюме и очках с очень толстыми стёклами. Он замер, испуганно уставившись на милицейские формы Виктора и его сослуживца.

– Гражданин, прошу предъявить документы, – строгим голосом произнёс Строев.

Дрожащими руками дед извлёк из кармана куртки удостоверение на имя Гарникова Тимофея Петровича, начальника медслужбы КГБ в отставке. Виктор повертел удостоверение в руках и передал его нам с Андреем. Чёрно-белая фотография была вырезана по контурам лица и приклеена на разворот документа, в котором не было ни единой печати, а буквы вписаны крупным детским почерком.

– Кто такой? Настоящая фамилия! – прикрикнул Виктор, и дед чуть слышно пробормотал:

– Бердников Илья Прокопьевич. Пенсионер.

– Что же вы гражданка, аферистов в свой дом впускаете, да ещё позволяете им у себя жить, – укоризненно сказал Виктор Нине Арсеньевне, и вместе с сержантом повёл Гарникова-Бердникова к выходу.

Нина Арсеньевна была совершенно потеряна. Обескураженным взглядом она провожала до двери свою последнюю надежду на спасение, и не реагировала на выпады появившейся в зале дочери. Ритка, крепко сбитая деваха в выцветшем халатике, с полотенцем, обмотанным вокруг головы наподобие чалмы, выкрикивала:

– А я говорила тебе, мама, что он подозрительный! Ты золото, золото проверь! Где мой перстенёк? Он непременно украл что-нибудь!

– Такой милый человек, – огорчённо обратилась к нам с Черновым Нина Арсеньевна. – Помочь мне хотел. В первый день, как приехал, торт купил...

– Разберутся с вашим милым человеком, – пообещал Чернов.

Мы двинулись к двери. Мне было страшно неловко и очень жаль эту женщину. Последнее, что я услышала, выходя из квартиры, были её слова, обращённые к дочери, всё ещё хлопчущей насчёт перстенька:

– Да помолчи ты, Рита! Намылась? Опять к «Интуристу» пойдёшь? Не ходила б! Нет денег – и это не способ...

У подъезда я увидела две машины – нашу, редакционную, и патрульку, и быстрыми шагами семенящего от них деда-полковника.

– Вы его опустили? Почему? – кинулась я к Строеву.

– Да я прозвонил уже в службу, проверили по компьютеру. Ничего на него нет. Просто сумасшедший дед. Бывший бухгалтер. Прописан в Ростове.

– Но он же мошенник!

– Так ничего же не сделал. Скорее всего, поселился поесть-попить на халяву. Что нам с ним делать? Сажать? Удостоверение отобрали, дали пинка под зад, и пусть себе катится на все четыре стороны.

– У него документы фальшивые, это статья, – не успокаивалась я.

– Ладно, поехали, – сказал Чернов, увлекая меня к машине. – Спасибо, Виктор... Даша, если бы ловили каждого сумасшедшего старика и судили за подделанное удостоверение, или ещё какую выходку подобного рода, суды только над такими делами и корпели бы. Другое дело, что твоя героиня от всех своих бед малость не в себе, она готова верить любому проходимцу, пообещавшему ей помощь... Эх, малыш, не ту страну назвали Гондурасом!

– Ладно, пусть этот дед прочёл мою статью. Но как он узнал её адрес?

– В адресном столе, конечно! Ты же указала в материале настоящую фамилию, и имя, и отчество!

Я готова была расплакаться. Что за страна, где женщины теряют разум от непрестанной боли, дочери выходят на панель, чтобы заработать матери на лекарства, а помощь этой семье может предложить только старый аферист, которого три дня кормят и привечают в последней надежде на спасение!

– Не переживай, малыш, – обнял меня Андрей. – Ты у меня славный. Эмоциональный только очень. И я тебя люблю.

Мы вернулись в редакцию и сели за стол в кабинете Андрея, продолжая обсуждать прошедшее, когда, шумный и яркий, ввалился Александр Стравин:

– Как живёте?

– Регулярно, – сердито ответила я, всё ещё внутренне негодуя, сама не зная на что: на врачей, страну, систему, аферистов, то ли на саму себя.

– А мне скучно. Приехал на вас посмотреть... А что вы такие озадаченные?

– Да так, Саша, было тут одно неприятное дельце, – ответил Андрей. – Ты лучше расскажи, что у тебя нового.

– Ничего нового, – протянул Сашка в своей обычной манере, лениво потягиваясь. – Скучно мне!..

– Сплясать? – мрачно спросила я.

– Лучше подскажи, что мне старому приятелю на день рождения подарить. Он не бедный, дорогой вещью не удивишь. Надо бы что-то оригинальное.

– А человек хороший?

– Полное дерьмо! – Сашка расселся в кресле и закинул на стол ноги в блестящих коричневых ботинках.

– Подари ему фаллический символ, – предложила я, шутя, но Сашка эту идею воспринял вполне серьёзно.

– Поехали, – сразу же загорелся он, поднимаясь. – Выберем подарок в интим-салоне, а потом где-нибудь посидим. Приглашаю вас на обед.

Долго уговаривать нас не пришлось.

– Чернов, что ж ты не похвалил Сашкины новые ботинки, он уже просто не знал, как их выставить, – шепнула я Андрею по пути к огромному тёмно-зелёному Сашкиному джипу.

– Это женщины отмечают такие детали, а я и не заметил, – сказал мне Чернов, и уже в машине – Стравину: – Саш, классные у тебя ботинки! Дорогие?

Сашка просиял и небрежно ответил:

– Ерунда. Штука баксов!

– Каждый? – не выдержала я.

Сашка реплики, словно, не услышал, а Андрей укоризненно покачал головой.

Мы подкатили к интим-салону.

Содержимое такого рода магазинов меня всегда умиляло. Пара кружевных полосочек, имитирующих бельё, продаётся по цене зимнего пальто. Самый дешёвый здесь товар – это презервативы. От незатейливых резиночек – до «усатых-полосатых», дезодорированных и съедобных. Самый дорогой товар – женщины. Конечно, не сами представительницы прекрасного пола, а их латексные копии, просто немыслимо дорогие.

(Зато раз заплатил – и верна тебе всегда, и никаких извечных женских отговорок на головную боль или месячные, и никаких капризов «так не хочу, эдак не умею», или «а за такое – двойная такса».)

Любителям орального секса – жадно раскрытые навстречу женские губки. *(Эти рты всегда молчат, никогда не устают и не кусаются.)* При импотенции помогут возбуждающие капли или крем интим-тонус. Ну, а если уже помогли, то, может, ещё не поздно прибегнуть к жидкости, спасающей от венерических заболеваний? Если, конечно, вы поимели настоящую

женщину, из плоти и крови. Что же касается выставленных в витрине эрзацев, то они совершенно безопасны и ничем вас не заразят, разве что очередной эротической фантазией...

И, наконец, вот оно! Чудо из чудес. Двухметровый красавец-фаллос, надувной, резиновый, голубовато-розовый, гордо стоящий на двух овальных яичках, каждое – размерами с автомобильное колесо. Сашка сразу же направился к объекту, обошёл его вокруг и спросил у меня:

– Ты это имела в виду? Хорош. Хорош!

Но я тоже видела эту роскошь впервые, и мы с Черновым покатывались со смеху, обсуждая достоинства сего предмета на все лады.

– Девушка, а чем отличается фаллоглитатор от вибратора? – пристал Сашка к молоденькой продавщице.

– Фаллоглитатор надевается на пояс мужчине или женщине, – нежным голоском обстоятельно принялась разъяснять девушка, – тогда как вибратор – на батарейках, и присутствия партнёра не требует вовсе.

Сашка задумчиво вертел в руках коричневый фаллос:

– А внутрь сюда вставляется металлический стержень, чтобы придать ему твёрдость и устойчивость? – спросил он у продавщицы, сгибая и разгибая инструмент.

– Нет. Это так и положено.

– Чёрти что, – разочарованно сказал Сашка и аккуратно положил фаллос на витрину. – Раньше я считал, что такое состояние члена это – импотенция. А теперь это безобразие в магазинах продают... Я вон тот куплю, большой, который у входа.

– Сашка, ты с ума сошёл, – хохотали мы с Черновым, но только ещё больше его раззадоривали.

– Упакуйте мне его, – приказал Стравин продавщице.

– Как же я его вам упакую? – растерялась девушка. – Надо его сдуть.

– Кокетливо упакуйте, – велел Сашка. – Не надо сдувать. Так повезу.

Через полчаса мы с Андреем ехали в шашлычную по ростовской трассе на Сашкином джипе. Стравин сидел за рулём с самодовольным выражением лица. К крыше автомобиля был привязан бечевкой гигантский фаллос, обернутый прозрачным целлофаном и перевязанный красным бантом...

В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Каждый день ровно в 9.30 Чернов заезжал за мной на редакционной машине. Они с Юркой всегда пересмеивались, пока я шла от подъезда и усаживалась в салон. Я не обижалась: утро – это не моё время, наверное, я и впрямь выглядела заspanной и смешной.

(Как же, не обижалась она! Дарья охотно сама говорила, что она – далеко не красавица, но попробуй, скажи это кто-нибудь другой!)

Вот и сегодня Юрка вместо «здравствуйте» предложил:

– Даша, дать тебе спички?

– Спасибо, у меня есть зажигалка, – рассеянно ответила я.

– Я имел в виду: вставить пару спичек тебе в глаза, а то они у тебя никак не откроются!

И они с Черновым расхохотались, а я опустила голову Андрею на плечо и закрыла глаза вовсе, полчаса по дороге в редакцию можно было ещё подремать. Зато я всю ночь могу не спать, а Чернову эти самые спички в глаза с уже десяти часов вечера становятся крайне необходимы! Меня высадили у здания, в котором располагается наша контора, и Андрей сразу же уехал в суд. А в приёмной меня уже ждала посетительница.

Приятная женщина лет пятидесяти стояла у моей двери с красной папочкой в руках. Седые пряди в тёмных волосах придавали ей эффектность, но одета она была простенько, во всё чёрное. Вошла в мой кабинет, представилась Ольгой Григорьевной, присела на краешек стула, очень прямо держа спину, и заявила:

– Пришла к вам, как заместителю редактора криминальной газеты, потому что у меня случилось большое горе. Полгода назад была убита моя единственная дочь. Дарья Леденёва.

Я вздрогнула и окончательно проснулась. Женщина явно не знала о том, что произнесла МОИ имя и фамилию. На двери кабинета не было таблички. И я не решилась сказать, что меня зовут так же, как и её убитую дочь. Просто попросила рассказать всё с самого начала.

Моей тёзке, когда она погибла, было двадцать восемь лет. Со своим убийцей, Игорем Краповым, она была когда-то знакома. Всё предопределила случайная встреча на троллейбусной остановке, когда Игорь подошел к девушке и спросил: «Даша, это ты?». А через восемнадцать дней Игорь ударил Дарью молотком по голове и задушил пояском её халатика. После чего закрыл за собой дверь квартиры на два замка и ушёл, унося деньги, золото и вещи.

Дарья, по словам матери, была доброй девушкой и мечтала о семье, но всё как-то не складывалось. Ольга Григорьевна после смерти Дашиного отца вышла замуж ещё раз и переехала к новому мужу, оставив дочери двухкомнатную квартиру. Даша зарабатывала на жизнь торговлей. Её подруга привозила из Арабских Эмиратов вещи и бижутерию, и девушки сбывали товар на Вишняковском рынке.

За пару дней до смерти Даша затеяла дома ремонт. Пока ещё стояли тёплые осенние дни, решила переклеить обои. И они вместе с матерью выбрали на рынке подходящие. Даша уехала домой с обоями, и больше Ольга Григорьевна не увидела дочь живой. Каждый вечер они общались по телефону, Даша звонила матери в одно и то же время, чтобы та о ней не беспокоилась. Пятнадцатого ноября звонка не последовало. А утром, приехав со своей приятельницей к дочери клеить обои, Ольга Григорьевна открыла дверь своими ключами, шагнула на порог и дико закричала: в зале лежала на диване её окровавленная дочь...

Крапова взяли через несколько дней. Основной уликой к его задержанию послужило найденное в письменном столе убитой заявление в прокуратуру. В нём Дарья писала, что её знакомый, Игорь Крапов, взял у неё взаймы крупную сумму денег, обещая вернуть через неделю, но затем отказался от своих обязательств, сообщив, что сам в свою очередь отдал деньги другу, который исчез.

Казалось бы, вот он, мотив убийства. Но на суде Крапов заявил, что убил Дарью в состоянии аффекта. Якобы она предложила ему поехать вместе на рынок в город Кропоткин и торговать там, а когда он зашёл накануне договориться о времени выезда, устроила ему сцену ревности, по поводу того, что у него, кроме неё, есть и другие девушки.

Я листаю копии страниц уголовного дела. В судебных материалах Дарья именуется «сожительницей» Игоря Крапова.

– Неправда всё это, – говорит Ольга Григорьевна. – Не было у Даши с Игорем никакого романа. Она всегда рассказывала мне о своих увлечениях, да и не заводила никогда поспешных и случайных связей. Кроме того, Крапов жил в то время с другой девушкой практически семьёй. Так что не могло быть там ни сцен ревности, ни аффекта. Он просто убил её холодно и расчётливо. С корыстными мотивами! А осудили его совсем не по той статье.

Я начинаю понимать истинную цель визита Ольги Григорьевны. Она считает, что убийца её дочери понёс слишком мягкое наказание. Впрочем, она и не скрывает этого. Крапов был осуждён районным судом за «убийство на почве личных взаимоотношений», тогда как действия его правильнее было бы квалифицировать по второй части той же статьи «убийство из корыстных побуждений». И тогда Крапов был бы приговорён не к восьми годам лишения свободы в колонии общего режима, а, возможно, к более серьёзному сроку.

(Но это на усмотрение судьбы. Ведь по какой бы статье не квалифицировал суд преступление, ему решать, как распорядиться «вилкой»: от семи до десяти. Крапов мог бы получить ту же «восьмёрку», даже будучи осуждённым за убийство из корыстных побуждений.)

Ольга Григорьевна сидит передо мной, прямая, строгая и тихим интеллигентным голосом говорит страшные вещи:

– Ещё до убийства Даши, как выяснилось на суде, Игорь Крапов обокрал своих старых приятелей, с которыми давно не виделся. Украл неосторожно положенное на видном месте кольцо с бриллиантами. А то, что у Даши водятся деньги, он знал. Он шёл к ней убивать! И прихватил с собой сапожный молоток, который сначала оставил в прихожей. Поговорил с Дашей, она, видимо, потребовала вернуть деньги, и тогда он ударил её по голове этим молотком, а потом открыл шкаф, снял с вешалки пояс от халатика и задушил... Золото и ценные вещи он тоже вынес «в состоянии аффекта»? От сильного душевного волнения?.. Когда я через несколько дней после случившегося включила в её квартире телевизор, громкость была на полную мощь. Значит, он заглушал её крики громко работающим телевизором. Но эти факты никто не принял во внимание... Может, меня обвинят в излишней жестокости. Дескать, кровожадная какая: парня и так посадили, а она хочет подать на пересуд, требует более сурового наказания. Но ведь этот Крапов, может, и восьми-то лет не отсидит, освободят досрочно. А моей дочки нет в живых!

Мне глубоко симпатична эта милая женщина, очень её жаль дочь. Каждый раз, когда Ольга Григорьевна произносит в разговоре «моя Дашенька», я внутренне подёргиваюсь. Игорю Крапову и эти восемь лет покажутся вечностью, но, сколько бы ни отсидел осуждённый, никто не уже вернёт матери её единственного ребёнка. Ольга Григорьевна считает дочь не отомщённой, но кто-то не оставляет Дарью в покое и после смерти: на днях был разрушен надгробный памятник. Пятисоткилограммовая стела выбита из бетона и завалена на могильную плиту...

Обещаю написать материал о её трагедии, и уже знаю, что назову его «Объяснение в убийстве». А ещё упрощу Чернова написать кассационную жалобу по этому делу.

* * * * *

Я вернулась домой около семи вечера и принялась варганить моим домочадцам ужин, предварительно перебив посуду, которую они накидали в раковину после обеда. Как не хочется готовить, когда не голодна, и как обидно мыть посуду, из которой не ела! Но я же образцовая хозяйка. Надо соответствовать имиджу. И пока Митька и Андрей ужинали, я усе-

лась пришивать пуговицы к их рубашкам и штопать носки. Удивительно дело, носков в куче выстиранного белья всегда оказывается нечётное количество. И дело не только в том, что в одной из пар не хватает носка, их во многих парах остаётся только по одному! Куда деваются остальные – уму непостижимо.

Пришивая наполовину оторванный карман джинсовой рубашки, я думала: если у мужа оторван карман, жена считается плохой. Не может пришить что ли? А, если муж не в состоянии купить себе новую рубашку, он – хороший?

(Какие только мысли не лезут в женскую головку, пока её обладательница зашивает дырки на белье! Прямо-таки «философия нештопанных носков».)

– Спасибо, всё было очень вкусно.

Это, конечно, Димка. Андрею не придёт в голову поблагодарить за ужин, похвалить – тем более. Но я не обижаюсь. Главное достоинство моего мужа, просто неоценимое в последнее время, – это то, что он меня не достаёт. Чего нельзя сказать о Митьке.

– Давай отгадывать кроссворды, – предложил сын.

– Щас! Только шнурки вам поглажу... Ты же знаешь, Дим, я люблю только юмористические кроссворды, а не те, что у тебя, в стиле «Море в Сахаре», или «Вулкан в Париже». Давай лучше, пока я шью, поиграем с тобой в юридическую игру. Тебе, как будущему адвокату, должно быть интересно.

– Давай, – оживился Митька.

– Вот слушай историю. Жила-была вполне обеспеченная, но бездетная, супружеская пара. И решили они обратиться в Центр, где проводят искусственное оплодотворение.

– Тему такую выбрала, – засмутился Митька.

– Не будь ханжой. Это жизнь. Так вот. Медсестра этого Центра перепутала пробирки, и в результате женщине ввели сперму не её родного мужа, а – неизвестного представителя африканского народа, и вот женщина рождает негритёнка. В семье – скандал, перед соседями – позор. Как ты рассмотришь эту ситуацию с юридической точки зрения?

– Медсестру эту надо в тюрьму посадить, – сразу же вынес Митька беспелляционный вердикт.

– Ладно. Положим, она виновата, и её посадят, как ты предлагаешь, хотя она всего лишь растяпа и действовала не по злему умыслу. Квалифицируем это как преступную халатность. Допустим, Центру присудят выплату крупной суммы в виде морального ущерба. А дальше? Что делать этой семье?

– Отдать этого негритёнка медсестре, пусть сама и воспитывает!

– Где? В тюрьме? Но ведь это ребёнок и той женщины, которая очень хотела его и ждала, и она не может обречь малыша на тяжкую долю в приюте.

– Тогда пусть забирает себе и растит, – решил Митька.

– Но муж категорически против. Зачем ему чужой ребёнок?

– Тогда пускай он с ней разведётся, а она будет жить с ребёнком? – уже менее уверенно предположил сын с вопросительными интонациями в своём ещё звонком голосе.

– А если они с мужем любят друг друга и не хотят расставаться? Но она не может отказаться от СВОЕГО ребёнка, которого девять месяцев носила и тяжело рожала, а муж не хочет это ЧУЖОГО афроамериканца? Что тогда?

– Ну, тогда я уже не знаю, – растерялся Митька. – А как правильно?

– Эх, Митька! В этой жизни чаще всего выходит «как получится».

– Но есть же какой-то закон!

– Не всё можно подвести под букву закона, иногда надо прислушаться и к доводам разума, и к зову сердца, – изрекла я голосом умудрённой жизненным опытом женщины и обняла Митьку за плечи, но он отстранился.

В его возрасте мальчишки становятся ершистыми и не признают телячьих нежностей. Потому-то возраст и переходный – скоро мой сын перейдёт в совсем другие, более волнующие, объятия. А пока он отправился в кухню пить чай с весьма озадаченным видом, сосредоточенно решая для себя вопрос: как правильно?

Я стараюсь как можно чаще говорить с Димкой, заставляю его задумываться и искать ответы на непростые вопросы. И всё же меня часто гложет чувство вины за то, что какое-то время я провожу с Черновым, отнимая эти часы у сына. Кроме того, мне кажется, что и у его детей я краду часы, которые они могли провести с папой. Хотя Чернов своих детей не любит и совсем ими не занимается. *(Это не совсем так. Просто моей дочери всего десять лет, а сыну и вовсе четыре. Дети в этом возрасте мне не очень интересны как собеседники. Но это не значит, что я их не люблю и не интересуюсь тем, что с ними происходит.)*

* * * * *

В воскресенье с утра заявила Леська. За то время, пока мы не виделись, моя двоюродная сестрёнка заметно похорошела и расцвела. На ней был явно дорогой английский костюм строгого покроя, ладно облегавший фигуру. Сразу видно, что в её жизни появился новый мужчина. Мы с Лесей пошли в кухню готовить ужин, и я сразу же спросила:

– Как зовут твоё новое увлечение?

– Мне везёт на имена, – рассмеялась Леся. – То был Тимоша, а теперь – Семён. Я зову его на блатной манер Сэмэн. Он ужасно милый. Знаешь, чем-то напоминает твоего Серегу, ну, бывшего твоего любимого мужчину... Но Сэмэн лётчик. И зарабатывает безумные деньги на том, что перевозит на Север кубанские фрукты и овощи.

– Ясно. «Мама, я лётчика люблю». И где ты его подцепила?

– Поехала в сауну со старым приятелем, а тот захватил с собой Сэмэна с девушкой. А он сразу забыл про свою девушку, а моего приятеля и близко ко мне не подпускал. Не успокоился, пока не довёз меня до дома, постоял ещё на машине внизу, подождал, пока в моей квартире загорится свет. А на следующий день явился ни свет, ни заря и повёз меня на завтрак в ресторан, а вечером...

– Мужик, конечно, женат? – уточнила я, шинкуя капусту на салат.

– Где же их взять-то, холостых? Все они либо разобраны, либо из тех, которых «никто замуж не берёт». Но раньше, чем с Сэмэном, я познакомилась с его женой! Представь себе, где-то полгода назад гуляли мы с компанией на чьём-то дне рождения в кабаке. А за соседним столиком – другая компания. Я заприметила там одну парочку, они прямо-таки висели друг на друге, когда танцевали, а целовались прямо за столом. Дамочка была уже хороша, всё хохотала, а потом как-то так вышло, что она подсела за наш столик, и мы с ней познакомились. Она даже визитную карточку свою оставила. Работает в конструкторском бюро. Карточку я там же, на столике, и забыла, а когда у меня с Сэмэном покатило, смотрю, фамилия знакомая, спросила имя жены и где работает – точно, она!.. Отрывалась без муженька со своим любовником.

– Почему сразу с любовником? Может, просто сослуживцы.

– На «просто сослуживцах» так не висят. И потом, она сама сказала, что мужик тот – её бой-френд.

– Ты рассказала об этом своему Сэмэну?

– Зачем? – удивилась Леся, перемешивая жарящийся лук.

– И то верно. Надо будет – сам узнает. Меня всегда поражало, когда в семье гуляют и муж, и жена. Ясное дело, если кому-то не хватает секса, и его ищут на стороне. Но когда оба отправляются на поиски приключений!

– Господи, да у них двенадцать лет семейной жизни! Это же чокнуться можно. Мужик летает, баба часто остаётся одна. Так что всё понятно.

После ужина мы с Лесей уселись пить кофе. Она продолжала рассказывать мне о своём Сэмэне, и по тому, как горели у неё глаза, я поняла, что сестрёнка влюбилась. По крайней мере, я никогда не слышала, чтобы она говорила о мужике так долго и увлечённо. Я искренне желала ей счастья, хотя и сомневалась, что она найдёт его с этим лётчиком.

(А в нашей с Дашкой квартире тем временем появился ещё один жилец. На восьмое марта она заказала подарок, который с трудом мог вписаться в интерьер нашей крошечной комнатки, но отказать ей было невозможно. Дашка сказала, что с самого раннего детства мечтала о большом плюшевом льве, но в советские времена такие игрушки не продавались, всё большие собаки и медведи. И вот мы выходили из магазина, и она несла, прижимая к себе, огромного льва с пышной гривой и самым благородным выражением симпатичной кошачьей морды. Звали этого хищника Бони, и когда его лапы лежали на Дашкином плече, хвост волокся по земле. Чуть ли не полмагазина вышли нас провожать. Бони у них был единственным, полгода пролежал на витрине, и продащицы к нему привыкли.

– Вот это да! – вздохнул Юрка, когда Дашка втащила Бони в машину. – Небось, не один бак бензина стоит.

– Ты ещё на минеты пересчитай, – посоветовал я.

Юрка тронулся с места и так глубоко задумался, что проскочил нужный поворот. Наверное, пересчитывал.

Потом неуёмный мальчиш битый час фотографировался со своим львом в полуголом виде, а теперь вот уже неделю ноет, что Бони занимает слишком много места, а фотоплёнку стыдно в проявку относить.)

ДЕЛО №18 666

В Краснодаре пять районных судов и один краевой, практически ежедневно в них рассматриваются интересные уголовные дела. Ясно, что все процессы отследить практически невозможно. И иногда я отправляюсь в судебные архивы с тем, чтобы выпросить у девчонок что-нибудь крутое для очередного материала. На этот раз мы заехали в один из райсудов вместе с Андреем и Юркой. Пока Андрей встречался с председателем суда по личному вопросу, я забежала в архив к старой знакомой Катерине. Задача предстояла непростая: надо было не просто попросить просмотреть дело, но и уговорить Катю отдать мне его на вечерок на дом. У меня практически не выдавалось свободных дней, которые я могла бы позволить себе провести в архиве.

– Привет, Катюша, – начала я разговор. – Как жизнь молодая?

– Да какая ж я молодая, – рассмеялась Катерина. Ей было под пятьдесят, и она не выглядела моложе, была невысокой, полненькой, носила очки, но, как это не покажется противоречиво, порой казалась совсем девчонкой. Это впечатление происходило, скорее всего, от её весёлого нрава, легкой походки (не ходила, а летала), быстроты реакций и застенчивой улыбки. – А ты, Даша, всё в поисках жареных фактов?

– Да хоть варёных. Есть что-нибудь?

– Есть. – Катя открыла шкаф и тут же протянула мне пухлый том, будто специально держала его наготове. – Очень интересное дело! – Она сделала особенное ударение на слове «очень» и загадочно улыбнулась.

– Катюша, а как бы мне его так, чтобы до утра?

– Под честное слово, – неожиданно легко согласилась Катерина, продолжая улыбаться. Наверное, она уже перестала бояться потерять работу.

Я, едва сказав «спасибо», побежала к машине, прижимая к себе заветную папку, спрятанную от посторонних глаз в целлофановый кулёк. Андрей подошёл чуть позже, и я успела уже заглянуть в дело №18 666. Сразу же наткнулась на большую цветную фотографию хорошенькой девушки лет двадцати пяти. Она была рыженькой, с большими зелёными глазами, узкие губы Джоконды растянулись в едва приметной улыбке. И тут же – другая фотография, чёрно-белая: обезображенный труп в кустах.

На втором снимке хорошо видно, насколько девушка худа. Тоненькая фигурка вытянута во весь рост на земле, верхнюю часть тела прикрывает светлая вязаная кофточка, трусики и шорты спущены до щиколоток. И третий снимок – изуродованное побоями лицо крупным планом, на шее характерная полоса, какая бывает при удушении.

– Ого, – засунул в дело Юрка свой длинный нос. – Кто это её так?

– Сейчас посмотрим... Ага, вот оно, обвинительное заключение. Обвиняется... Гражданин Оленин Владимир Анатольевич. На момент убийства ему было двадцать лет... Девушке – Виктории Вернак – двадцать четыре.

Подошёл Чернов и уселся рядом со мной на заднее сидение. Я захлопнула дело, Юрка заметил его номер и присвистнул:

– Ого! Это ж моя дата рождения. 18 – число, 6 – месяц, 66 – год.

– Господи, с кем я связался, – шутовски простонал Чернов. – Восемнадцать – это же три «шестёрки», и дальше три «шестёрки» – 666! У моего водителя в дате рождения два раза содержится «число зверя»!

Что такое «число зверя», Юрка не знал и невинно заявил:

– Всегда мечтал иметь такой номер на автомобиле.

– Только этого мне и не хватало! Мало того, что моя женщина – ведьма, так и водитель – левша с такой ужасной датой рождения! Да еще и с фамилией Шаманов! Теперь ясно, почему ты вечно влипаешь во всякие истории. Ему и ещё и на «Волгу» номер дьявольский подавай!

– Да я бы и не села в машину с таким номером, – сказала я. – Кстати, дельце-то должно быть непростым!

Чернов потянул было руку, но я тут же засунула том в кулёк.

– Ревнивый малыш, – рассмеялся Андрей, – ну, будешь теперь ночь не спать, читать-листать... Расскажешь потом.

Юрка пожал плечами, выражая недоумение по поводу чем-то не понравившегося шефу числа, и принялся разворачивать машину. Завезли домой Андрея, и дальше поехали вдвоём.

– Смотри, какая девчонка голосует, – привлекла я Юркино внимание. Но он и сам её уже заметил, и глазки у него сразу заблестели. – Притормози, подберём, а то проедешь мимо собственного счастья.

Юрка уже проехал и сейчас возвращался задним ходом. Девушка впорхнула к нему на переднее сидение, сказала «спасибо», окинув Юрку внимательным взглядом, и тут заметила меня.

– Вы опаздываете? – спросила я. – Так нервничали на остановке...

– У меня через десять минут начинаются занятия в клубе. Я аэробику преподаю.

– И кто сейчас ходит в ваш клуб?

– А все подряд. От шести до шестидесяти. По группам.

Журналисту разговорить незнакомого человека несложно. За семь минут пути я уже знала почти всё о клубе и многое – о его преподавательнице. Когда мы подъезжали к спортивному комплексу, я спросила, во сколько заканчиваются занятия и заявила, что Юра за ней заедет. Девушка согласно кивнула, но окинула меня при этом подозрительным взглядом. Таким образом, Юра и слова не произнёс, а я буквально сняла ему девочку.

На следующий день Юрка рассказал, что заехал за ней, они провели вместе ночь, и тренер оказалась очень даже ничего, «спортивная и активная». Она только была очень озадачена тем, что о свидании договорилась я. Не зная, какие отношения связывают сидящих в одной машине мужчину и женщину, она опасалась, не извращенцы ли мы какие. А вдруг её снимали для двоих? И только увидев, что Юрка приехал один, немного успокоилась.

Но мне похождения нашего водителя на тот момент были глубоко безразличны. Меня ничего не интересовало больше, чем дело №18 666, над которым я просидела всю ночь, ибо к утру поняла, что Владимир Оленин, осуждённый к девяти годам лишения свободы за убийство Виктории Вернак и отбывающий срок в колонии общего режима, на самом деле её не убивал.

* * * * *

Утром последнего дня своей жизни Вика позвонила своей подруге Карине, и девушки отправились на Вишняковский рынок, где Вика купила себе чёрные джинсы и коричневые ботинки. Она взяла на работе неделю отгулов, и вечером подруги договорились пойти погулять в парк и посидеть в летнем кафе. В шесть вечера Вика и Карина снова встретились. Вика была в обновках. В Первомайской роще у неё было назначено свидание с неким Евгением.

Вместе с Евгением и его товарищем Костей девушки сидели в кафе «Сорренто» и пили кофе, когда к их компании присоединился Владимир Оленин. Он на днях продал Косте спортивный костюм, и в тот вечер надеялся получить за него деньги.

Вскоре в кафе появились две девушки, Аня и Ася, и Женя с Костей пересели за их столик. Вика и Карина остались с Олениным. Девушки Владимира немного знали: летом он жарил в роще шашлыки. Знакомые называли его «шашлычником», и он был последним, кто видел Викторю в тот вечер живой, не считая, конечно, убийцы.

Троица развлекалась, от кофе плавно перешли к спиртным напиткам, причём, Владимир несколько раз выходил из кафе и появлялся снова, а потом объявил девушкам, что встретил знакомых, которые приглашают его в находящийся неподалёку ресторан. И тогда Вика стала проситься с ним. Владимир не был уверен, примут ли друзья в компанию ещё одну девушку, вышел спросить у них разрешения, и, получив его, повёл Вику в ресторан. По пути они посадили на такси Карину, которая уехала домой.

В ресторане гуляли впятером: Владимир, Вика, ещё одна девушка и два парня. По счёту платил Оленин. Он отдал официантке двести рублей, полученные за спортивный костюм. А около двенадцати ночи заведение стало закрываться. Компания разошлась, и Вика с Владимиром снова перебрались в то же кафе, в котором начинали вечер отдыха...

Труп Виктории был обнаружен в кустах на территории парка утром следующего дня. Участковый составил протокол осмотра места происшествия, оперативники опросили работников парка. Никто ничего не видел и не знал. И только сторожиха находящегося неподалёку детского сада, показала, что уже после двенадцати ночи видела девушку, похожую на убитую, гуляющей с мужчиной лет тридцати. Ей показалось, что мужчина был кавказской национальности. В «Протоколе опроса свидетеля» перед словосочетанием «кавказской национальности» чьей-то рукой, другим почерком, была вписана частица «не», меняющая весь смысл предложения.

К вечеру личность убитой была установлена, как и фамилии тех, с кем она встречалась накануне. А через два дня был арестован Владимир Оленин. Опера пришли к нему в коммуналную квартиру в восемь утра. Вова был ещё в одних трусах, когда на его руках защёлкнулись наручники. При обыске в комнате была обнаружена пачка патронов, как позже установит баллистическая экспертиза, пригодных для стрельбы. Оружия не было.

Параллельно с Владимиром был задержан по подозрению в убийстве и Евгений Бердяев, на свидание с которым и направлялась Вика в парк. На допросе Евгений показал, что видел Вику и Владимира в летнем кафе (он вернулся туда после того, как они с другом проводили своих девушек Асю и Аню) в половине первого ночи. Ребята, по словам Евгения, пили кофе, мило беседовали, смеялись, целовались, а потом ушли, обнявшись, в сторону остановки.

На очной ставке с Бердяевым Владимир отрицал тот факт, что после ресторана возвращался ещё раз с Викой в кафе. Оленин говорил, что был сильно пьян, ничего не помнит, но знает точно одно: Вику не убивал. После того, как компания распалась, он сел в такси и уехал домой. Был дома около часа ночи, и дверь ему открыл сосед по коммуналке. С кем осталась Вика, он не знает.

Через пару дней Евгения Бердяева выпустили. А ещё через неделю Владимир Оленин написал свою первую «Явку с повинной», из которой следовало, что в тот осенний вечер он «возможно, изнасиловал и убил Викторию Вернак, но был настолько пьян, что не помнит, как всё это произошло».

Следом за первой «Явкой с повинной» в деле появляется вторая, в которой Оленин «припоминает», каким образом убил Викторию, как и то, что изнасилования, по сути дела не было. Выходило, что выйдя вместе с Викой из кафе, Владимир отправился её провожать, и по дороге предложил «вступить с ним в половой контакт». Девушка сразу же согласилась, и они вошли в заросли кустарника, где Вика сняла джинсы и ботинки, спустила до уровня щиколоток трусики и велосипедные шорты и легла, положив под голову кожаную куртку. Владимир улёгся сверху и «начал половой акт», но завершить его не смог, поскольку находился в состоянии сильного алкогольного опьянения, и предложил девушке перейти к оральному сексу. И тогда Виктория сильно оскорбилась, стала кричать, что она не проститутка... и тут же требовать с Владимира двести рублей, а не то, дескать, заявит, что он её изнасиловал. Она ударила его по лицу, он её – в ответ, а потом сжал пальцы у неё на шее, а когда разжал – увидел, что девушка мертва. Он «испугался содеянного» и убежал. Вещей и украшений девушки не брал.

В третьей «Явке с повинной» Оленин пишет, что после всё же вернулся на место преступления и забрал Викины джинсы, ботинки и куртку, с тем, чтобы «скрыть следы». Вещи он выбросил, а украшений всё же не брал.

Через несколько месяцев состоялся суд. На первом же заседании Оленин отказался от всех своих признаний, заявив, что сразу после задержания был жестоко избит сотрудниками милиции, а после на него оказывалось психологическое давление и физическое воздействие, под которыми он был вынужден дать признательные показания.

Судья Аветисов назначил прокурорскую проверку по факту избия подсудимого сотрудниками милиции... Следующее судебное заседание состоялось только полтора года спустя. За это время в деле появилось четыре новых документа. В двух из них опера заявляют, что Оленина они не били. В двух других понятые, присутствовавшие при следственном эксперименте, поясняют, что они не подставные, а случайно прогуливались по парку, и их пригласили опера для исполнения гражданского долга. Причём, один из «настоящих» понятых – студент третьего курса юридического факультета Олег Городницкий. Вовка утверждал, что этот парень приехал на машине вместе с опером. Но это было лишь его слово против слова Городницкого, которого я не знала, но уже ненавидела. С хороших же дел начинает этот студент свою карьеру!

Судья выносит приговор. Восемь лет за убийство Виктории Вернак, год – за хранение патронов, итого – девять. Последней к делу подшиты «Кассационная жалоба» Владимира Оленина, (в которой тот снова пишет, что признания давал под воздействием сотрудников милиции, Викторию Вернак не убивал, расстался с ней в парке и ничего не знает о её судьбе) и Приговор краевого суда: оставить решение районного в силе...

Полночи со мной рядом просидел Митька, заглядывая мне через плечо и хватая дело в руки, как только я отходила перекурить.

– Ну, он же не виноват! Он её не убивал! Глупости какие! Никто же ничего не доказал, – горячился Димка. Его распирало от гордости по поводу того, что он читает настоящее уголовное дело и может вынести собственный вердикт.

– Да, Димочка. Я знаю.

– Но как же можно сажать в тюрьму невиновного человека!

– Всё можно, Дима. Хорошо ещё не расстреляли, – заметила я, растирая глаза, которые болели от напряжения.

– Твой Чернов должен немедленно этого парня освободить, – решительно заявил сын.

– Чернов – не судья, не Бог, не герой, ну, и так далее... Но мы посмотрим, что тут можно сделать. Иди спать. Проспишь завтра в школу.

Но уложить Димку оказалось непросто, он всё никак не мог уговориться, возмущаясь несправедливостью устройства бытия. Он, конечно, многого не понял, читая это дело, и не обратил внимания на детали, но уловил главное: дело это шито белыми нитками. Владимир Оленин стал жертвой милицейского непрофессионализма и попал в жернова судебной машины, поглотившей его и отнявшей уже два с половиной года жизни. Сидеть ему ещё около семи. Если не вмешается провидение. А оно, похоже, уже вмешалось.

МАНЬЯКИ СРЕДИ НАС

На следующий день мы увиделись с Черновым только в шесть часов вечера. На восемь утра он умудрился назначить встречу с клиентом, и потому заезжать за мной не стал, справедливо полагая, что в такую рань мне всё равно не подняться, а после весь день носился по делам. Но я дождалась его в редакции, и как только Андрей появился в моём кабинете, выложила дело №18 666 на стол. Весь день я занималась тем, что заносила в компьютер основные моменты изложенной в нём уголовной истории.

– Вот, – выпалила я, едва Чернов ступил на порог, – не желаешь прочесть? Я договорилась с Катериной, что оставляю его у себя до завтрашнего утра. Это почище любого детектива будет.

– А в чём там дело, малыш?

– А дело в том, что на зону отправлен невиновный! Он её не убивал.

Чернов взял папку с делом и сказал несколько индифферентно:

– Ладно, давай посмотрю.

(Я просто очень устал. И не то, чтобы не поверил в правильность сделанных Дарьей выводов, но, зная её обычную манеру судить обо всём горячо и безапелляционно, отнёсся к этому заявлению с некоторой толикой осторожности.)

В машине, по дороге к дому, я продолжала излагать Андрею фабулу этого процесса и, кажется, успела основательно его заинтересовать. Теперь и он ночь спать не будет. *(И я не спал!)*

Дома меня ожидал пренеприятнейший сюрприз. Утром, повозмущавшись тем, что решение всех семейных проблем всегда возлагается на меня, я отправила-таки мужа в налоговую инспекцию заплатить годовой налог за квартиру. Лучше бы я этого не делала! Налог-то он заплатил, но девушка, набрав мои данные на бесстрастном компьютере, спросила Андрея, будет ли он платить и за вторую квартиру тоже. Андрей, естественно, страшно удивился: за какую такую вторую квартиру? И ему выдали квитанцию с адресом моей подпольной хаты!

Но это ещё не всё. Андрей взял квитанцию и отправился по указанному адресу выяснять, кто это там повесил на его жену плату за своё жильё. Выяснить этого не удалось, поскольку дома никого не оказалось, а побеспокоенные соседи не знали, кто проживает в нехорошей квартирке, и назавтра он решил отправиться туда снова.

В первый момент я просто обмерла. Андрей ведь мог явиться и в тот день, когда мы с Черновым были на хате. Я представила себе картину. Звонок в дверь – я открываю в домашнем халатике... Конечно, Андрей прекрасно знает, что у меня кто-то есть, не думает же он, что последние восемь лет его жена пребывает в состоянии полного монашества. Может, он считает, что у меня всё ещё продолжается роман с Серёгой, из-за которого я в своё время объявила о разводе. Но всё же. Одно дело предполагать возможную любовную связь, другое – встретить свою жену в рабочее время в её собственной квартире с шефом, вальяжно возлежащим на диване! Пожалуй, это было бы чересчур даже для такого условного брака, как наш.

Что мне оставалось делать? Я сказала, что нет смысла ещё раз наведываться в эту квартиру, поскольку там никто не живёт. А оформлена она действительно на меня. Как так вышло? А очень просто. Один хороший знакомый купил квартиру для своей сестры, которая учится в институте в другом городе и не имеет прописки в крае. На себя он оформлять квартиру не стал, чтобы избежать семейных скандалов (жена не одобрила бы такой траты), а как только сестра окончит ВУЗ и вернётся в Краснодар, мы сразу же переоформим документы.

Андрею оставалось либо принять мою версию на веру, либо попытаться её опровергнуть. Ввиду сложившихся между нами взаимоотношений, и в силу флегматичности своего характера, он выбрал первый вариант. Тем временем Митька пребывал в крайней озабоченности по поводу судьбы Владимира Оленина. Весь остаток дня сын проговорил со мной на эту тему,

отложив на время свои уникальные проекты создания вечного двигателя и транспортировки антарктических льдов в Аравийскую пустыню.

Я сама только о том и думала, что об уголовном деле, мысленно выдвигая всё новые и новые аргументы в защиту несчастного Вовки, которые непременно буду завтра излагать Чернову. Я нисколько не сомневалась в том, что Андрей уже разделяет мою позицию.

(Дашиной самоуверенности остаётся только удивляться! Хотя на этот раз она оказалась совершенно права.)

* * * * *

Назавтра с Андреем мы проговорили весь день, который должен был быть посвящён любви и отдыху, сидя на постели и обсуждая дело Оленина.

– Видишь ли, малыш, уж очень удобен был Вовка, как обвиняемый. Ну, просто идеальный козёл отпущения, – говорил Чернов. – Сначала против него сыграл тот факт, что он был последним, с кем видели Викторину в тот вечер. У него проводят обыск и находят патроны. Всё! Это уже повод для задержания и заключения под стражу. Неважно, что Вика не была застрелена, и что оружия у парня не было. Человек, держащий дома патроны, правонарушитель. И тут против Вовки сработала его биография. Он был ранее судим.

– Солнышко, ну, что значит судим! В четырнадцать лет парень в компании других подростков предложил незнакомому мальчишке обменяться с ним часами. Мальчишка не согласился. Тогда Оленин ударил его по лицу, насильно снял часы и отдал взамен свои. Если бы всех пацанов, снимающих с ровесников часы, сажали, в школах учились бы только девочки.

– Ты не прав, малыш. Подросток, снимающий с другого часы – уже преступник. И Оленин вполне справедливо получил тогда свой год условно. Ясно, что дело прошлое, судимость уже снята, но репутация-то подмочена. Далее. Школу бросил после седьмого класса. На момент задержания не работал. А семья! Жил в коммуналке с матерью и отчимом, который тоже ранее был судим.

– Ясное дело, – вздохнула я. – Вступить за Вовку было некому. Показания матери никто в расчёт не принял, а адвокат просто-напросто парня сдал. А тут ещё Вовка в свои двадцать лет дважды женат и имеет двоих детей от двух разных женщин. Вырисовывается облик этакого шалопа-неудачника.

– Да. Но ведь не убийцы! Ладно, до адвоката мы ещё дойдём. Давай разберём «Явки с повинной», хотя никак не могу согласиться с тем, что их так называют. Ну, понятно, человек зарубил другого топором, его никто и не подозревает, а он бежит в органы: «Вяжите меня, я убивец». Тут всё ясно. Явка с повинной. А когда человек проводит пару недель в камере по обвинению в убийстве, и его днями и ночами трамбуют, убеждая взять вину на себя всеми дозволенными, а чаще недозволенными, методами, какая же это «явка»?

– Это всё понятно, – я настолько увлеклась разговором, что позволила себе закурить прямо в комнате, – давай лучше разложим по полочкам содержание этих явок! Ей-богу, ничего смешнее не читала. Смотри, как интересно получается. Вовку взяли рано утром. Надели на парня наручники, когда он был ещё в трусах. Его мать и соседи видели, что на нём не было никаких следов побоев. А в восемь вечера Оленина, если верить его кассационной жалобе, отказались принять сотрудники Следственного изолятора, настолько парень был избит. И опера додумались до того, что повезли его в городской травматологический пункт!

– Они просто боялись, что парень потеряет глаз. Двоечники, понимаешь, просто двоечники! Мало того, что доказать вину иначе, как выбиванием признаний, не могут, так они даже бить толком не умеют, так чтоб без следов.

– Ага, надо их поучить, – предложила я. – Да что и говорить, тут они прокололись. А, судя по тому, что «явки» Вовка писал под диктовку ментов, у них ещё и с фантазией слабовато. Смотри, сначала парень, чтобы его оставили в покое, пишет: убил, изнасиловал, но как

именно – не помню. Но вот в деле появляется заключение судмедэкспертизы, из которого явственно следует, что никаких следов спермы на трупе обнаружено не было. И тогда менты выдвигают новую версию. Якобы, акта он не завершил. Да как вообще можно было начать половой акт, когда у женщины были практически связаны ноги?

– Ты думаешь – нельзя? – кажется, эта идея Чернова возбудила.

– А ты когда-нибудь пробовал поиметь женщину, у которой трусики и шорты – на шиколотках?

– Нет. Но очень хочу попробовать. Проведём следственный эксперимент?

– Я тебе и без всякого следственного эксперимента могу авторитетно заявить, что это крайне неудобно, если вообще возможно. Трудно себе представить, чтобы двое молодых людей, пожелавших «вступить в половой контакт по обоюдному желанию» стали бы так мучить друг друга. Они могли бы выбрать и более удобную позицию. Кроме того, Виктория ведь не сивка вокзальная была. Приличная девушка, модница. Утром она пошла на толчок и накупила новых вещей. Зачем? Чтобы улечься голым телом на грязную землю под каким-то кустом, положив рядом с собой – в грязь – новые вещи? Не знаю, как надо было напиться, чтобы настолько себя не сознавать.

– А какое содержание у неё было в крови алкоголя?

– Одна целая, одна десятая промилле. Всего-навсего. Это далеко не сильное опьянение. Скажем так, начальная стадия. Да и свидетели, с которыми Вика и Вова гуляли в компании, показывали, что ни он, ни она, не пили слишком много. Кроме того, я уверена, что ты не обратил внимания на одну крошечную детальку, промелькнувшую в показаниях одной из свидетельниц. В тот день шёл дождь! Это вообще, если ты помнишь, была очень дождливая осень. Стало быть, всё вокруг мокрое. И голым телом в грязь? Нет! Мало какая женщина на такое согласится. Эта версия просто глупа.

– Эта версия не выдерживает никакой критики и по другим моментам, – аргументировал Чернов. – Если бы девушка и поступила так, как описано в деле, она вынуждена была бы снять сначала ботинки, потом джинсы, и всё это – стоя в носочках на той же влажной земле! А по описанию участкового в «Протоколе осмотра места происшествия», подошвы носков у неё были чистыми! И при стоянии на почве, и при половом акте, и при удушении (она же должна была хотя бы поелозить ногами по земле, пока её душили!) носки бы запачкались. Вот что я скажу тебе, малыш. Вику раздели и задушили где-то в другом месте. А потом перенесли труп в эти кусты на руках!

– Да. Скорее всего, так всё и было. У Вики ведь и спина не была сильно запачкана. В «Заключении судмедэкспертизы» сказано только: «К спине прилипли комочки грязи». То есть, её принесли и положили ровненько на землю. Уже мёртвую. Она так и осталась лежать. Давай попробуем объяснить, почему у неё была кровь на трусиках и шортах. На кофточке – понятно: накапало с разбитого лица... А шорты?

– Скорее всего, Вовка поступил так, как и писал позже в «Кассационной жалобе». Вика просила его проводить её до дома. Парень ей понравился, девчонке хотелось праздника, продолжения банкета, может, и самого Вовку... Но Оленина дома ждала больная мать, которой он обещал вернуться не поздно. А идти пешком через всю рощу, а потом обратно – путь неблизкий, это отняло бы много времени. И тогда он просит Викторию подождать его на лавочке секундочку... и линяет. Попросту бросает девчонку на произвол судьбы. Вика остаётся на некоторое время одна. И тут к ней, возможно, подходит кто-то из знакомых, пусть из тех, с кем она ранее сидела в одной компании в тот же вечер. А, может, и просто посторонний.

– Или не один.

– Или не один... – Эхом повторил за мной Андрей и на какое-то время задумался. – Я думаю, её сразу вырубили несколькими мощными ударами в лицо, потому-то никто, хотя бы из тех же ночных сторожей детского сада, и не слышал криков. Её могли раздеть на той же

лавочке. Снять с неё кожаную куртку, новые джинсы и ботинки, украшения. Задушить. Отнести труп в кусты. Причём, пока её несли на руках, кровь с разбитого Викиного лица и накапала на шорты, пройдя пятнами и на трусы. Уже там, в кустах, шорты и трусы с неё спустили... Иначе не объяснишь, почему они были в крови.

– Во влагалище и заднепроходном отверстии эксперт обнаружил кровь. И ещё зафиксирована ссадина на половой губе... Ты думаешь, всё же был половой акт?

– Вряд ли. Может, убийца просто был маньяком или страдал аноргазмией. Но, скорее всего, это было просто глумление над трупом. Он мог вставлять в тело какие-либо предметы, символизирующие для него фаллос...

– Это просто ужас, – выдохнула я, – страшно представить... А потом убийца унёс с собой её вещи и драгоценности. Причём, снял как золотое кольцо, так и бижутерию – серьги в форме круга с сердечками внутри.

– Естественно. Он не мог разобрать в полутьме, что есть золото, а что не имеет никакой ценности. Потому-то он и серьги из ушей вынул, которые ничего не стоили. Трудно себе представить, чтобы Вовка, который провёл с Викой вечер и видел её на свету, стал бы после убийства снимать с девушки дешёвые безделушки.

– Вовку вообще трудно вообразить убийцей. Посмотри на фото, – я полистала дело и пододвинула ближе к Андрею страницу, на которую были наклеены его фотографии. – Он сам как цыплёнок. А чтобы так расквасить девчонке лицо (ведь у Вики были разбиты и глаз, и губа – это как минимум два сильнейших удара кулаком!) и отнести её потом на руках в кусты, нужна сила. Да и вещей Викиных у Оленина не нашли.

– Видишь ли, малыш. Если бы нашли вещи или приняли во внимание тот факт, что убийство было совершено с особой жестокостью, дело попало бы под юрисдикцию краевого суда. Возможно, Оленина судили бы присяжные. И уж там эта подстава не прошла бы, его бы однозначно оправдали. А так дали парню девять лет: радуйся, дескать, что не пятнадцать!

– Но какую всё же глупую версию выдвинули менты! Если бы Оленин убил Вернак, и решил признаться, он всё же рассказал бы всё, как было. Какой смысл было ему пороть такую чушь? «Ударил ладонью по лицу! Сжал пальцы на шее, смотрю – уже мертва». Будто человека задушить так просто, и девушка лежала себе ровненько и спокойненько ждала, пока её задушат.

– Ясное дело, она бы сопротивлялась, дёргалась, елозила по земле, – горячо сказал Чернов. – А у неё и носки чистые, и грязи под ногтями нет. Да и на Вовке никаких следов от борьбы. Уж если бы на нём были царапины или разбит кулак, менты не преминули бы отразить эти факты в деле. Вот что я тебе скажу, малыш: никого этот Вовка не душил. Более того. Опер, который вёл это дело, тоже никогда никого не душил! Он даже не знает, как это происходит.

– И слава Богу! Не хватало ещё, чтобы наши опера изучали науку об убийствах на собственной практике и личном опыте!

– Да уж. Если б они ещё не били смертным боем задержанных и пытались найти настоящего убийцу, а не вынудить признаться первого, кто подвернулся, цены б им не было... И ещё я сделал занятный вывод. По тому как мент (как там его фамилия? Убожко?) предположил, что конфликт между Викторией и Вовкой произошел из-за того, что девушка оскорбилась на предложение заняться оральным сексом, для опера это – большой вопрос. Ему, наверное, жена никогда минета не делала по идейным соображениям. Нынешние-то двадцатилетние смотрят на это дело попроще. И если бы Вика улеглась уже в кусты, в грязь, что заняться сексом с парнем, вряд ли для неё минет стал бы жутким оскорблением.

– Фрейдист ты мой!.. – Я потрепала Чернова за волосы. – Слушай, но какое всё же похожее убийство произошло в нашем дворе!

– Я сам хотел сказать тебе об этом. И если мы приходим к выводу, что Оленин Викторию не убивал, и это сделал кто-то другой, оставшийся на свободе, то в случае с Галиной Алексеевнкой мы имеем практически одинаковый почерк убийцы. Маньяка. Допустим, его привлекают

светленькие худенькие девушки. Он может находиться с ними в одной компании или выходить на одинокую подвыпившую девушку случайно. Он подходит к ней, наносит несколько сильных ударов в лицо, душит, снимает вещи или просто спускает брюки (как в случае с Галиной), причём не насирует, а просто забавляется...

– А, может, он мнит себя гинекологом? – предположила я. – Может, у него такая мания.

– Сами мы с тобой маньяки! До чего только не договоримся, – Чернов притянул меня к себе и обнял.

– Подожди, – отстранилась я, – мы всё же выдвинули потрясающую версию. Вдруг она недалеко от истины? Слушай, а давай напишем роман! Этакую детективную кровавую драму с маньяками и убийцами.

– Давай! Я даже знаю, как мы её назовём...

– Как?

– «МАЛЫШ И СОЛНЫШКО»!

– Дразнилка ты, Чернов, – рассмеялась я. – Но ты только представь себе: по городу спокойно разгуливает серийный убийца!

– Всё может быть, малыш... А сколько там времени?

– Ого! Впрочем, как всегда. У нас осталось пять минут на сборы.

Каждый раз, приезжая на квартиру, мы слишком поздно обращали внимание на время, а потом вымыть посуду, застелить постель и одеться умудрялись за какие-то пять минут.

Жители близлежащих домов почти каждый вечер могли наблюдать занятную картину. От подъезда отъезжала «Волга», в которую садились мужчина и женщина. Проехав метров пятьдесят, машина останавливалась у мусорки, и мужчина бросал в один из бачков целлофановый пакет... «Наши люди на машинах к мусоркам не ездят», – говаривала я, у нас было много шуточек на эту тему. А потом Чернов научился забрасывать пакет в бачок прямо из машины, через окно, причём очень гордился точностью попаданий, тем более, что бросать приходилось левой рукой. Юрка, который всё делал левой, восторга Чернова не разделял.

Меня довели до дома. Я вошла в подъезд и двинулась к лифту. Позади меня раздались чьи-то тяжёлые, явно мужские, шаги. Я прибавила ходу, мигом преодолела несколько ступенек, ведущих к лифту, не оглядываясь, дрожащей рукой нажала на кнопку вызова. Шаги ускорились, человек был уже совсем рядом... Лифт сразу же распахнул дверцы, я буквально впрыгнула в него и мгновенно ткнула пальцем в цифру «семь». В щель закрывающейся двери я успела увидеть недоумённое и несколько даже ошарашенное лицо соседа по площадке.

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО АВАНТЮРИСТА

В понедельник коллектив выходил из кабинета шефа в приёмную после планёрки несколько озадаченным. Чернов устроил своим сотрудникам колоссальный разгон. Такого уже давно не бывало. Больше всего досталось корректору Леночке. Андрей уже почти смирился с многочисленными орфографическими ошибками на полосах «Судного дня», но в последнем номере Лена умудрилась перепутать заголовки двух материалов, и этого не заметили ни ответсекретарь Татьяна, ни я, подписывающая номер в печать. В результате над статьёй о директоре завода, развалившем предприятие, прикарманившем крупные средства и открывшем солидные банковские счета в зарубежных банках, красовался заголовок «Её не любят, и никто не защитит». Тогда как слезливая история о стареющей переводчице, которую ненавидит весь трёхэтажный дом, и мальчишки то обливают грязью бельё, которое она сушит во дворе, то поджигают обшивку её двери, оказалась озаглавлена следующим образом: «Кому на Руси жить хорошо».

Леночке было предложено внимательнее читать, что пишут другие и особенно – она сама, ибо с тех пор, как Лена стала практиковаться в журналистике, число ошибок в еженедельнике заметно возросло, и наибольшее их количество обычно оказывалось в опусах самого корректора.

Потом Чернов прошёлся по ряду материалов, показавшихся ему пресными, и в который раз повторил нравоучение: «Никому не интересна информация о том, что собака укусила старушку. Но вот если старушка укусила собаку – это уже новость. Фактуру надо искать, а не сводки милицейские переписывать». Были у Андрея претензии и к рекламному отделу, и к юристам.

– Что-то шеф сегодня не в духе, – заметила Татьяна, выходя из кабинета.

– Надо же ему хоть иногда обозначить свою руководящую и направляющую роль, – отозвалась я. – А то забудем, кто у нас начальник.

И тут Аллочка протянула мне телефонную трубку:

– Даша, это тебя.

Я поднесла трубку к уху, сказала: «Алло!» и тут же запрыгала на месте от избытка чувств. До меня донёсся родной голос, который я не смогла бы спутать ни с одним другим, несмотря на то, что не слышала его уже шесть долгих лет:

– Привет, старушка!

– Боже мой, Гюлька, ты откуда?

– Из Истамбула.

Конечно, из Стамбула. Где же ей ещё быть. Моя бакинская подружка, с которой я пять лет просидела за одной партой в институте, вышла замуж за турка. В последний раз мы виделись в Баку. Потом она несколько раз звонила мне на работу в Краснодар, и однажды сообщила, что выходит замуж и уезжает жить в Стамбул. И всё на этом. У меня не было её координат, а в моей редакции сменили все номера телефонов. Связь оборвалась.

Я часто вспоминала свою Гюльнару, когда страдала ностальгией, а месяц назад нашла в старых записных книжках бакинский адрес её родителей и написала наудачу: а вдруг они всё ещё живут там же. Оставила им для Гюли номера своих телефонов – кабинета и приёмной – и вот...

Мои коллеги смотрели на меня в полном недоумении. Но мне было всё равно. Я радовалась так, что не могла сдерживать эмоций. На проводе был Стамбул, и серая телефонная трубка ясно и чисто доносила до Краснодара мелодичный голос из моей юности. Мы проболтали минут десять, не больше, за которые успели сообщить друг другу самое главное. Хотя, нет. Самое для меня главное – что я люблю Чернова и пишу роман – сказать было невозможно.

Я не решилась об этом заявить, пока вокруг были посторонние. Гюлька сообщила, что с турком разошлась, но ещё не развелась, живёт пока в его доме одна и работает в частной фирме. Она надиктовала свои телефоны, и я пообещала сегодня же отправить ей факсом длинное-предлинное письмо.

– Чернов, мне моя Гюлька позвонила! Представляешь, из Стамбула, – закричала я, ворвавшись в кабинет шефа, зависла у него на шее, и только потом заметила Вадима, которому Андрей в тот момент давал какое-то поручение.

– Любимая подруга. Десять лет дружили, а потом шесть – не виделись, – объяснила я Вадиму, отойдя от Чернова и несколько смутившись, но невозмутимый во все времена компьютерный Бог нашей фирмы только улыбнулся в свои чёрные усы и спросил: «Тебе визиток сделать, Даша? Или есть ещё?».

Я кивнула, и Вадим сказал: «Хорошо». Не знаю, что он понял по этому кивку: ведь такой ответ мог означать как «нужны», так и «пока есть», но мне было не до визиток, и тут вошла Татьяна:

– Вы только представьте себе, Дмитрич, – смеялась она. – Звонят мне сейчас с завода, выражают редакции благодарность за статью об их директоре-расхитителе (ох, не любит его родной коллектив!) ... Вежливый, солидный такой мужской голос со мной говорит, и серьезно так заявляет: «Очень нам материал понравился, правда, мы не сразу поняли смысл заголовка, и что именно автор имел в виду, но потом догадались». Вы представляете?!

(Что еще было делать читателю, как не догадываться, ибо кто же им сможет эту нелепицу объяснить!)

Когда Вадим и Татьяна ушли, я уселась в кресло и принялась рассказывать о Гюле, заявив, что сейчас же отправляюсь писать ей письмо.

– А материал об Ленине ты писать не собираешься? – спросил Чернов.

– Нет, – заявила я, чем явно озадачила Чернова, и тут же попыталась объяснить свою позицию. – Видишь ли, мы, журналисты, обычно сталкиваемся с человеческими судьбами в момент излома. Человек, который живёт тихо и размеренно, в поле нашего зрения обычно не попадает. Но как только у кого-то беда или, напротив, миг славы, триумфа, его история сразу же становится достоянием прессы. Мы выхватываем кусочек жизни, фрагмент, который и описываем. Иногда при этом узнаём, что было ДО, но почти никогда, что – ПОСЛЕ. Ты меня понимаешь?

Чернов кивнул, и я продолжила:

– Это как на фотографии или полотне художника: запечатлён только миг. Море, солнце, песок, девушка обнимает парня и заразительно смеётся. А потом? Ты взглянул на фото и прошёл мимо. Ты не знаешь: может, это была их последняя встреча, и завтра он уйдёт на войну, с которой не вернётся. Или знаменитая картина Федотова «Сватовство майора». Молоденькая девица в ужасе от мысли, что этот старый служака станет её мужем. А дальше? Может, случится так, что её отец откажет престарелому жениху. Или девушка той же ночью кинется в речку с обрыва, потому что любит другого. Или она выйдет за майора, проживёт с ним двадцать лет и будет рыдать над его гробом, потому что лучшего мужа и отца её детям судьба подарить и не могла... Я глупости говорю, да? Сбивчиво, непонятно? Что ты на меня так смотришь?

– Всё понятно, малыш. Я сам иногда думаю над этим. Есть рассказ у Джека Лондона на эту тему. Только я пока не пойму, к чему ты клонишь?

– Я помню этот рассказ. «Тропюю ложных солнц» называется. А говорю это всё к тому, что не могу писать сейчас о деле №18 666. Что я напишу? Что Вовка не виновен? Не имею права. Он осуждён. Изложить суть дела и задать в статье все наши с тобой вопросы? Но кому? Я уже написала полтора года назад статью «Мёртвая петля». Кто тогда ответил на мои вопросы? А никто! Сейчас не то время, чтобы по следам газетной публикации прокуратура возбуждала уголовное дело или писала протест в порядке надзора, тем более что её работники в деле с Оле-

ниным повели себя не наилучшим образом. Мой материал никто просто «не заметит». Ну, поохают читатели: вот, невинных сажают! Д и то, если мне удастся заронить в души обывателей сомнение. А дальше? Я так никогда и не узнаю, кто убил Викторину Вернак, и кем выйдет Вовка из зоны через семь лет. Если вообще выйдет, конечно. А я хочу досмотреть «фильм» до конца! Ведь тогда, после статьи «Мёртвая петля», я всё же довела до конца расследование того дела и докопалась, кто кого убил. Но без милиции. Сама!

– Ты хочешь, чтобы я взялся за это дело?

– Я хочу вытащить Вовку Оленина на свободу. Но сама не могу. Ты – да. Тут не статья нужна в газете, а хороший юрист.

– Я и сам уже думал об этом малыш, – вздохнул Чернов.

– Если бы ты защищал его на том процессе, парень не сел бы.

– Возможно. Давай так, Даша. Для начала сходим к Дмитрию Сергеевичу и поговорим. Ты же его знаешь?

Ну, кто же не знает Дмитрия Сергеевича Аверченко? Это самый знаменитый председатель районного суда в городе, назначенный на эту должность в неприлично молодом для подобного статуса возрасте. Редкий умница и радикал. Судья, имеющий собственную точку зрения на судебную систему, да ещё и неоднократно пытавшийся эту «точку» отстоять.

– Знаю, конечно, – сказала я. – Слушай, всё хочу спросить, да как-то не приходится к случаю: это тот самый Аверченко, который проводит время от времени персональные фото-выставки? Или однофамилец?

– Это он. Судья, влюблённый в горы.

– Ну да. Как там писал Серёга?

Прокуроры во сне летают

И храпят безмятежно судьи,

А, проснувшись, они листают

В дело шитые наши судьбы.

– Наверное, не все прокуроры летают во сне! Иначе мы бы не сталкивались с историями, подобными той, которую ты сейчас хочешь «досмотреть до конца».

* * * * *

Андрей договорился о встрече с Аверченко на шесть часов. К этому времени я уже отправила в Стамбул факсом письмо, в котором на семи компьютерных листах расписывала Гюльке своё житиё-бытиё с того момента, как связь между нами оборвалась.

– Малыш, а у меня кое-что есть, – похвастался Чернов, появившись в моём кабинете.

– Что это? – я отложила в сторону карандаш, которым в тот момент обводила контуры губ и забрала у Андрея из рук листочек. Проглядела и присвистнула. Это была ксерокопия медицинской карточки Владимира Оленина, открытой в городском травматологическом пункте в день ареста. А доставили Вовку в травмпункт в восемь вечера сотрудники милиции! Врачи зафиксировали повреждения мягких тканей головы и левого глаза, множественные ссадины и ушибы.

– Чернов, ты – это что-то!

– Как видишь, я времени зря не терял. Приехать в травмпункт, поговорить с врачами и снять ксерокопию, – всё это заняло у меня всего-навсего полчаса! Что стоило сделать то же самое Вовкиному адвокату пару лет назад! Я сейчас делаю его работу.

– Не был он заинтересован в Вовкином освобождении! Просто сдал парня, да и всё, – я взялась за губную помаду. – Ладно, судьба зачтёт господину Неизвестному нам Адвокату его бескорыстие и благородство...

– Индейцы вышли на тропу войны, – сказал Андрей, внимательно всматриваясь в моё лицо, по которому я проходила кисточкой для румян.

– Всегда ты так говоришь, когда я подкрашиваюсь. Разве тебе не нравится?

– Малыш, мне нравится твоё лицо безо всякого грима. Неужели ты всерьёз считаешь, что искусственные румяна лучше естественного цвета твоей кожи?.. Да тебе и глаза подводить не надо, они же у тебя сверкают, как новогодние шары, потому что в них – жизнь, ум, интерес!

– Ты прямо как мой папа. Тот всегда говорил, что природа дала мне всё, и нечего её корректировать.

– И он был совершенно прав, – нетерпеливый Чернов уже вставлял ключ в замочную скважину с наружной стороны двери моего кабинета.

* * * * *

В здании суда мы первым делом зашли в архив, и я наконец-то вернула Кате папку с делом Оленина.

– Спасибо, Катюша! Потрясающее дело. Сознайся, ты ведь специально мне его подсунула. Ты же знаешь, что осуждённый не виновен, да?

– Да, – вздохнула Катя. – Возмутительная история. Раньше хоть как-то более ответственно подходили к доказательству вины. А сейчас... – Катерина безнадежно взмахнула рукой, и я подумала, что она, читая уголовные дела, как романы, сама стала разбираться в юридических тонкостях не хуже любого адвоката. Только мнения её никто никогда не спрашивал. Кто она? Просто архивариус. Однако ей понятно то, чего не хотят видеть люди, наделённые ответственностью решать судьбы других, и её мнение непредвзято, потому что Катя не связана условиями и условностями, мешающим служителям Фемиды быть объективными.

Дмитрий Сергеевич сидел в своём кабинете один. У меня всегда было впечатление, что этот высокий человек не знает, куда девать свои длинные руки, и потому постоянно хватается за какие-то бумаги и справочники, лежащие на столе.

– Здравствуйте, Андрей Дмитриевич, – поздоровался он с Черновым и вежливо кивнул мне. Хотя я и присутствовала несколько раз на процессах, которые вёл Аверченко, он не был со мной знаком.

(Таков удел журналистов: они знают всех, а их – немногие. Мировой известности добиваются только ведущие центральных телеканалов.)

– Приветствую вас, Дмитрий Сергеевич. Дельце одно, весьма занятное, попало моему корреспонденту, – кивнул на меня Чернов. – Твой судья вёл. Аветисов. Пришли обсудить.

– Пришли к выводу, что осудили невиновного? – рассмеялся Аверченко. – Ну, рассказывайте, что вы там накопили! Я думаю, ведь не похвалить же за справедливость приговора вы пришли.

И мы с Черновым в два голоса, перебивая и дополняя друг друга, принялись излагать суть дела. Дмитрий Сергеевич время от времени останавливал наше повествование, задавая короткие вопросы, потом сказал:

– Ну, всякое бывает, я не стану утверждать, что в моём суде никогда не случается ошибок, – и набрал номер судьи Аветисова. – Михаил Гургенович, вы тут вынесли приговор Владимиру Оленину по обвинению в убийстве в Первомайской роще... Вы абсолютно уверены в том, что парень виновен?

Громкоговоритель донёс слова невидимого нам судьи:

– Да, Дмитрий Сергеевич. Я абсолютно уверен в том, что девушку убил именно он... А в чём там проблема? Я же всего девять лет дал.

(Вот оно, судейское добросердечие! Всего девять! Оленин должен быть по гроб жизни благодарен за то, что его не расстреляли.)

– Дмитрий Сергеевич, у меня уже есть кое-какие доказательства того, что дело велось с грубейшими нарушениями закона и прав человека, вот хотя бы эта ксерокопия медицинской карточки Оленина, избитого сотрудниками милиции, – Чернов положил перед Аверченко ксе-

рокопию, которую судья сразу же принялся вертеть в руках. – И вы сами знаете, что признание подсудимого, будь оно хоть добровольным, хоть вынужденным, не может считаться доказательством вины. А кроме этого признания, совершенно нелепого по своей сути, у следствия вообще ничего нет. Я намерен взяться за это дело, и пришёл с вами посоветоваться, как лучше это сделать.

(Я, конечно, прекрасно знал, как всё это делается. Но не хотелось обижать старого знакомого, «шагая через голову». Проще было не настраивать против себя человека, а заручиться его поддержкой.)

– Андрей, ты меня давно знаешь, – сказал Аверченко. – Я никогда не выступал против справедливости, всегда готов исправить судебную ошибку, если она имела место быть, и вызыканий никогда не боялся. Считай, что наполовину вы меня убедили. Пиши «Жалобу в порядке надзора» председателю краевого суда. Если в краевом суде приговор отменят и направят на новое рассмотрение, я сам возьму это дело... Но, ладно, этим делам не будет конца. Хотите по рюмочке коньячка? И поболтаем о чём-нибудь отвлечённом. О вашей газете, например. Всегда читаю её с удовольствием.

Мы с Черновым коньяк не любили. Но сейчас с удовольствием пили его из крошечных контейнеров для фотоплёнок, закусывая плиткой шоколада, поломанной на кусочки и разложенной на фольге. Аверченко показывал нам свои последние снимки разных форматов. Самые крупные были развешаны по стенам. Снежные вершины и каньоны, одинокие ветки и хвойные леса, горные озёра и бурлящие водопады... Я узнавала эти пейзажи, потому что уже видела их раньше в выставочном зале, только не предполагала, что автор – именно тот судья, которым я восхищалась на процессах.

(Каждому человеку нужна отдушина, особенно если работа связана с нервными и психологическими нагрузками. Творчество – это своеобразный способ сохранить свою душу, не дать ей очерстветь, когда каждый день выносишь приговоры.)

– Вы просто фанат гор, – заметила я.

– Не хотите как-нибудь сходить со мной в экспедицию? – предложил Аверченко.

– Очень было бы здорово, – согласились мы с Черновым. – Как соберётесь, звоните. Мы всегда готовы, как пионеры.

Мы с Андреем изо всех сил старались говорить на посторонние темы, но всякий раз неизбежно возвращались к делу Оленина.

– Вполне понятно, почему Аветисов всё-таки вынес обвинительный приговор, – говорил Чернов. – В самом начале, на первом заседании он совершенно правильно направил дело для проведения прокурорской проверки по факту избияния подсудимого. Но не станет же прокуратура расписываться в том, что сотрудники милиции приложили руки к голове обвиняемого! Эта проверка длилась полтора года. Потом процессы бесконечно долго откладывались: то адвокат болен, то свидетели не явились. А там уже процессуальные сроки стали поджимать, и Аветисов просто-напросто пошёл на поводу у следствия по пути наименьшего сопротивления – вынес приговор, который сам считает мягким, и потому справедливым. Он просто позволил себя убедить. Присяжные бы Оленина оправдали.

– О, только не говорите мне о присяжных, – простонал Дмитрий Сергеевич. – С самого начала, когда институт присяжных вводился в виде эксперимента в нашем крае, я был руками и ногами «за». Тогда это казалось таким прогрессивным шагом. А сейчас, как вникнешь в дела, по которым приговоры выносит «народ» – волосы дыбом встают. Вы слышали о последнем деле? Семнадцатилетний парень зверски убивает девушку, и вина его стопроцентно доказана (подонок задушил девчонку, надругался над трупом, внутренние органы голыми руками наружу повыдергивал!) – а его оправдали! Раньше власти опасались, что наш озверевший от экономических экспериментов и роста преступности народ будет казнить направо и налево безо всякой жалости, а вышло наоборот. В быту человек готов убить своего соседа коммуналке,

да что там соседа – мать родную! А в зале суда жалеет «парнишечку» – подонка и убийцу. И каждый такой подонки требует теперь суда присяжных. Уверен – оправдают!

Чернов согласно кивал – тоже был наслышан о неправдоподобно высоком проценте оправдательных приговоров, выносимых домохозяйками и слесарями, отобранными методом тыка компьютером из списков избирателей. А я вспомнила самый первый суд присяжных, проходившей в нашем крае. Я вела тогда репортажи с каждого заседания, правда, на второе меня пускать не хотели, потому как я, по незнанию, после первого напечатала сдуру в газете фамилии нескольких присяжных, что является закрытой информацией. Судья, правда, смилился, пожурил по-отечески и позволил присутствовать.

Тогда слушалось дело о напугавших в крае убийствах водителей, занимающихся частным извозом. Судили двух мужиков, оба уже успели к тому времени отмотать немалые сроки и познакомились на зоне. Работали чётко: договаривались на автостанциях с водителем приглянувшейся машины о маршруте и цене за проезд, садились в машину. По пути, где-нибудь на безлюдной трассе, один из преступников, сидящий на заднем сидении, накидывал несчастному на шею удавку, второй тем временем хватал за руль и сворачивал с дороги.

Трупы зарывали в лесополосе, машины угоняли. Но делали всё как-то неумно, нелепо. *(Если убийство вообще может быть «умным» и «ленивым»)*. Один раз убийцы застряли на угнанном автомобиле посреди чистого поля, и их вытягивали работяги на тракторе, проходившие потом свидетелями по делу. Во второй раз их остановили на посту сотрудники ГАИ и отпустили восвояси. Но до этого подсудимые ещё успели убить одинокую старушку и вынести из её дома всё самое ценное...

Один из подсудимых, Сергей Жнивенко, вину свою не признавал, хотя именно он, по мнению прокурора, и затягивал петли на шее у водителей, стремившихся заработать на кусок хлеба и расставшихся за это с жизнью. Его подельщик, напротив, каялся и кивал на Жнивенко: это он, дескать, заставлял «ходить на дела».

Жнивенко был красив какой-то порочной красотой, было в нём что-то и волчье, и графское одновременно. Считается, что артисту или оратору нужно найти среди слушателей человека с приятным лицом и говорить, обращаясь конкретно к нему. Не знаю, чем понравилось Жнивенко моё лицо, но из всего зала он выбрал именно его, и лично мне на всех трёх заседаниях рассказывал о своём тяжёлом детстве, о злой мачехе, об отсутствии белой рубашечки для посещения вечерней школы, о первой ошибке юности, приведшей в семнадцать лет на скамью подсудимых...

Никого-то он не убивал! Да, в угнанных машинах его видели, так он просто покатайся их брал, не зная, какая страшная участь постигла владельцев тех автомобилей. А старушку мачеха со своим родным сыном пришили, оттого-то и найдены в их доме вещи и драгоценности убитой. А сам он – хороший парень, очень дочку любит, сам ей бантики завязывает...

Есть такой фантастический рассказ. О том, как в каком-то двадцатом веке людей судит машина. И подсудимый пытается её... разжалобить. Это ему удалось. Бесстрастная машина вынесла вердикт: казнить и посмертно помиловать. Присяжные – простые люди, далёкие от юриспруденции, ошарашенные увиденным и услышанным, исполненные чувства ответственности перед государством, готовые к справедливому свершению правосудия и страшно боящиеся совершить ошибку – Жнивенко и его дружка не помиловали, признали виновными. И первый был приговорён к высшей мере наказания, второй – к десяти годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строго режима...

После завершения процесса я ещё долго ощущала на себе пристальный взгляд убийцы, стройного черноволосого мужчины тридцати двух лет с холодными серыми глазами и белозубой улыбкой... Наверное, его уже расстреляли, если не заменили смертную казнь на пожизненное заключение. Возможно, я была последней понравившейся ему женщиной из свободного мира, на который он глядел через решётчатое ограждение в зале суда. Но мне совсем

не было жалко этой запропавшей жизни. Я поверила в его виновность. Она была доказана чётко и однозначно.

Тогда я просто любовалась прокурором. Вот кто был красавчиком! За пятьдесят, с проседью, с изборождёнными морщинами простоватым лицом, статный мужик, полный внутреннего достоинства, – он говорил грамотно и чётко, умело оперируя фактами. Это был настоящий профессионал, в отличие от убийцы. И пусть это прозвучит кощунственно, но я слишком ценю в мужике профессионализм, даже если этот мужик – убийца. Всё, за что ты взялся, нужно делать хорошо. Тот, кто убивал цинично и бездарно, а оправдывался глупо и жалко, не может рассчитывать на симпатию и сочувствие, даже со стороны человека, обладающего таким добрым лицом, как моё...

Мы засиделись в кабинете председателя суда допоздна, и когда вышли, Юрка крепко спал в машине. По дороге к дому, Андрей сказал:

– Приятно общаться с Аверченко, да? Большой оригинал. И видно, не потерял ещё душу на такой работе. Правильно, что мы обратились к нему перед тем, как писать «надзорку».

– Это-то да. Но надо бы сначала съездить в зону, с Вовкой поговорить. Аверченко сказал, парень в Армавире сидит?

– Конечно, съездим. Как же иначе. Кстати, ты знаешь, как я познакомился с Дмитрием Сергеевичем?

– Нет. Расскажи.

– Это было лет десять назад. Аверченко, по-моему, тогда только-только был назначен председателем райсуда, а я организовал в крае молодёжное крыло демократической партии. И вот мы, человек десять, молодые и смелые, вышли на митинг к администрации края, с российским флагом и какими-то плакатами, сейчас уже не смогу передать точного их содержания. Нас тут же всех повязали – и в отделение. Аверченко получил прямое указание посадить нас минимум на пятнадцать суток за нарушение общественного порядка. А он поговорил с нами с каждым в отдельности – и всех скопом отпустил, вынеся для проформы каждому по предупреждению, что является минимальным наказанием за административное правонарушение.

– Рискнул, значит, служебным положением ради юношеских идеалов? Уважаю. Говорят, если вы в двадцать лет не сочувствуете революции – у вас что-то не в порядке с сердцем, но если вы в пятьдесят продолжаете разделять всё те же идеи – у вас явно не в порядке с головой... Это был тот случай, когда ты топил в унитазе туалета администрации края красный флаг?

– И ты туда же! Да не было этого! Мне до сих пор мэр города при случае поминает: «Помню-помню, Чернов, как ты в унитаз бросил красный флаг». Я возражаю: «Да что вы, это всё легенды». А он мне: «Не надо, не надо, я же за тобой следом шёл и всё видел»... Так что, малыш, главное богатство авантюриста – это его репутация.

– Тогда мы с тобой очень богатые люди, – рассмеялась я, закуривая.

– И, похоже, продолжаем богатеть. Кто бы ещё ввязался в дело, по которому человек уже осуждён, если никто не просил о помощи, и никто не оплатит наших стараний.

– Ничего. На том свете нам зачтётся. Вытащим Вовку?

– Попробуем, – осторожно ответил Чернов, который не любил давать зряшных обещаний.

ПОЭТ В ПОГОНАХ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

Я набрала номер, и как только подняли трубку, сказала:

– Калекой сижу я в пустыне моей тоски по тебе, вокруг меня – серебряный океан моих слёз...

– Ого, – отозвался Серёга. – Привет, Даша, сколько лет, сколько зим.

Произнесённая мною фраза, взятая из романа «Дипломат», когда-то была условным кодом к примирению в наших частых ссорах. И сейчас мне было приятно протянуть бывшему коллеге и возлюбленному эту визитку из прошлого.

– Тебе открытку прислать по почте или можно, не соблюдая этикета зачитать прямо по телефону?

– Какую открытку? – не понял мой собеседник.

– Пригласительную. Зачитываю. Имею честь пригласить вас на торжественное бракосочетание, которое состоится...

– Леденёва, ты с ума сошла? Ты опять выходишь замуж? Второй раз голову в ту же петлю?.. И как же ты меня приглашаешь? Твоему новому мужу будет приятно со мной встретиться? Или я буду присутствовать на твоей свадьбе инкогнито?

О, эта до боли знакомая манера задавать по десять вопросов кряду, не дожидаясь ответов!

– Он у меня – человек современный, всё понимает. И потом, мы договорились: я приглашаю всех своих бывших мужчин, он – своих женщин.

– Вы что же, весь город решили собрать? Это какой же зал понадобится!

Я рассмеялась. Чувство юмора у Серёги всегда было исключительным, только с памятью на даты – плоховато.

– Ладно, расслабься. Сегодня – первое апреля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.